

ISSN 1994-2443 (Print)
ISSN 2949-2157 (Online)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
INTERNATIONAL CENTRE FOR SCIENTIFIC AND TECHNICAL INFORMATION

Информация и инновации Information and Innovations

Информация и инновации

ISSN 1994-2443 (Print)
ISSN 2949-2157 (Online)

2024, Т. 19, № 4

DOI: 10.31432/1994-2443-2024-19-4

Основан в 2006 году
Ежеквартальный
международный
журнал

Учредитель и издатель —
Международный центр
научной и технической
информации (МЦНТИ)
Дизайн и верстка:

И. В. Гришин

В работе над номером
участвовали:

Л. П. Калмыкова

Запросы на дополнитель-
ную информацию направ-
лять по адресу:

125252, Россия, Москва,
ул. Куусинена, 21-Б,
МЦНТИ

Тел.: +7(499)198-70-21

Факс: +7(499)943-00-89

Эл. почта: icsti@icsti.int

Сайт журнала:

<https://journal.icsti.int>

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе РФ
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного на-
следования. Регистрационное
свидетельство ПИ № ФС77-
27294 от 22 февраля 2007 г.
Публикуемые аналитические
материалы отражают точку
зрения авторов, которая не
всегда совпадает с мнени-
ем редакции. Перепечатка
возможна с разрешения
редакции и с обязательной
ссылкой на журнал.

Журнал включен в базы
данных: DOAJ, Crossref,
РИНЦ, реферируется в ба-
зе данных ВИНТИ РАН

Главный редактор: Лончаков Юрий Валентинович,

д. т. н., директор МЦНТИ, Москва, Россия

Заместитель главного редактора: Башкина Елена Михайловна,

к. т. н., начальник отдела информационных ресурсов, МЦНТИ, Москва, Россия

Редакционная Коллегия

Адамьянц Армен Ованесович, к. т. н., доцент, член Ученого совета и редакционной коллегии, ГПНТБ России, Москва, Россия

Алиев Тарбиз Насиб оглы, д. э. н., профессор, Институт экономики НАН Азербайджана, член-корр. Российской Академии Естествознания, Баку, Азербайджанская Республика

Антопольский Александр Борисович, д. т. н., профессор, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Белов Владимир Иванович, д. и. н., профессор, директор, Научно-образовательный центр африканских исследований РУДН, Москва, Россия

Гусейнова Арзу, д. э. н., профессор, Первый заместитель председателя Правления, Экономический научно-исследовательский институт Министерства экономики Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

Егоров Владимир Георгиевич, д. и. н., первый заместитель директора Института стран СНГ, Москва, Россия

Каленов Николай Евгеньевич, д. т. н., профессор, главный научный сотрудник, Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН, Москва, Россия

Кашкинбеков Арман Каирберлиевич, академик, Председатель правления, Национальный Центр государственной научно-технической экспертизы, Алматы, Казахстан

Коцере Вента, Академическая библиотека Университета Латвии, Рига, Латвийская Республика

Мамедов Захид Фаррух, д. э. н., профессор, директор департамента Организации и управления научной деятельностью Азербайджанского государственного экономического университета, Баку, Азербайджанская Республика

Рэгдэл Дугэрийн, д. х. н., академик, президент Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия

Сотников Александр Николаевич, д. ф.-м. н., профессор, заместитель директора Межведомственного суперкомпьютерного центра Российской академии наук, Москва, Россия

Стратан Александр Николаевич, д. э. н., профессор, чл.-корр. Академии наук Молдовы, ректор Молдавская Экономическая Академия, Кишинев, Республика Молдова

Тран Дак Хьен, доктор, генеральный директор Национального агентства научной и технологической информации Министерства науки и технологии Вьетнама

Успенский Александр Алексеевич, к. т. н., доцент, Республиканский центр трансферта технологий, Минск, Республика Беларусь

Фарруча Мануэль Пилото, генеральный директор, Институт научной и технологической информации Министерства науки, технологии и окружающей среды Республики Куба

Цветкова Валентина Алексеевна, д. т. н., профессор, главный научный сотрудник, ВИНТИ РАН, Москва, Россия

Швейда Павел, д. т. н., Ассоциация научных и технологических парков, Прага, Чешская Республика

Редакционный Совет

Аббасов Али Мамед оглы, д. э. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана, советник НАНА, заведующий кафедрой Азербайджанского государственного экономического университета, Баку, Азербайджанская Республика

Кожин Игорь Владимирович, Глава Центра международного промышленного сотрудничества ЮНИДО в Российской Федерации, Москва, Россия

Мун Дмитрий Вадимович, к. э. н., заместитель директора Агентства «Эмерком» МЧС России, Москва, Россия

Information and Innovations

ISSN 1994-2443 (Print)
ISSN 2949-2157(Online)

2024, Vol.19, No 4

DOI: 10.31432/1994-2443-2024-19-4

Founded in 2006

Quarterly
International Journal

Founder and Publisher —
International Centre for Scientific
and Technical Information (ICSTI)

Design:

I. Grishin

This issue was prepared with
participation of:

L. Kalmykova

For additional information
please refer to:

ICSTI

Kuusinen str., 21-B,
Moscow, 125252, Russia,
Phone: +7(499)198-70-21

Fax: +7(499)943-00-89

E-mail: icsti@icsti.int

Website: <https://journal.icsti.int>

The Journal was registered in the
Federal Service of Legal Supervision
in Mass Communications and
Protection of Cultural Heritage of
the Russian Federation certificate
ПИ № ФС77-27294 of 22 February
2007.

Published articles reflect the authors' point of view which might not correspond to the point of view of the Editorial Board. All information published in the journal may not be reproduced without prior written permission, brief quotations are permitted with reference to the journal.

The journal is included into data bases: DOAJ, Crossref, RINC, reviewed in the VINITI RAS Database.

Editor-in- Chief: Yury V. Lonchakov,

Dr.Sci. (Eng.), Director, ICSTI, Moscow, Russia

Deputy Editor-in- Chief: Elena M. Bashkina,

Cand.Sci. (Eng.), Head of Information Resources Division, ICSTI, Moscow, Russia

Editorial Board

Armen O. Adamyants, Cand.Sci. (Eng.), Docent, Member of the Academic Council and Editorial Board, Russian National public library for science and technology, Moscow, Russia

Tarbiz Aliyev, Dr.Sci. (Econ.), professor, The Institute of Economics ANAS, Baku, Republic of Azerbaijan

Aleksander B. Antopolsky, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russia

Vladimir I. Belov, Dr.Sci. (History), Professor, Director, Center of African Studies, RUDN, Moscow, Russia

Arzu Huseynova, Dr.Sci. (Econ.), Professor, First Deputy Chairman of the Board, Institute for Scientific Research on Economic Reforms (ISRER) of the Ministry of Economy of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir G. Egorov, Dr.Sci. (History), First Deputy Director, Institute of CIS countries, Moscow, Russia

Nikolay E. Kalenov, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Chief Researcher, Joint SuperComputer Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Arman K. Kashkinbekov, Academician, Chairman of the Board, National Centre of Science and Technology Evaluation, Almaty, Kazakhstan

Venta Kocere, Academic Library of the University of Latvia, Riga, Republic of Latvia

Zahid Farrukh Mammadov, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Director of the UNEC Department for Organization and Management of Scientific Activities, Baku, Republic of Azerbaijan

Dugeriin Regdel, Dr.Sci. (Chem.), Academician, President of Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaator, Mongolia

Alexander N. Sotnikov, Dr.Sci. (Phys.-Math.), Professor, Deputy Director for Science, Joint SuperComputer Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexandr N. Stratan, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Moldova, Rector of the Academy of Economic Studies of Moldova, Chisinau, Republic of Moldova

Tran Dac Hien, Dr.Sc., Director General of the National Agency for Science and Technology Information of the Socialist Republic of Vietnam

Alexander A. Uspenskiy, Cand.Sci. (Eng.), Docent, Republican Center for Technology Transfer, Minsk, Republic of Belarus

Manuel Piloto Farrucha, Director General of the Institute for Scientific and Technological Information of the Republic of Cuba

Valentina A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Eng.), Professor, Chief Researcher, Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS), Moscow, Russia

Pavel Svejda, Dr.Sci. (Eng.), Association of Innovative Entrepreneurship, Praha, Czech Republic

Editorial Council

Abbasov Ali Mamed oglu, Dr.Sci. (Econ.), Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Advisor to ANAS, Head of the UNEC Department for Digital economy and information and communication technologies, Baku, Azerbaijan Republic

Igor V. Kozhin, Head of the UNIDO Centre for International Industrial Cooperation in the Russian Federation

Dmitry V. Mun, Cand.Sci. (Econ.), Deputy Director, EMERCOM of Russia, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Международное сотрудничество

<i>Варшней С.К., Прасанна Н. К.</i>	Международный договор о глобальных пандемиях перед лицом будущих пандемий	5
<i>Белов В. И., Ранджбар М. Д.</i>	Иран и Россия на пути построения всеобъемлющего стратегического партнерства	29
<i>Зинчук М.Г., Савичева Е. М.</i>	Российско-кувейтские отношения: приоритеты и особенности	41

Информационные процессы

<i>Гребенникова О. В.</i>	Размещение информации об электронных ресурсах на сайте библиотеки как инструмент их продвиже- ния	53
---------------------------	---	----

Экспертные материалы

Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2024. Евразийский регион	67
---	----

МЦНТИ: события, информация, мнения	81
------------------------------------	----

CONTENT

International Cooperation

<i>S. K. Varshney, N. K. Prasanna</i>	International Treaty on Global Pandemics to Face Future Pandemics	5
<i>V. I. Belov, D. M. Ranjbar</i>	Iran and Russia on the path to building a comprehensive, principled partnership	29
<i>M. G. Zinchuk, E. M. Savicheva</i>	Russian-Kuwaiti relations: priorities and features	41

Information processes

<i>O. V. Grebennikova</i>	Posting information about electronic resources on the library website as a tool for their promotion	53
---------------------------	---	----

Expert material

EDB Monitoring of Mutual Investments — 2024. Eurasian Region	67
---	----

ICSTI: Events, Information, Opinions	81
--------------------------------------	----

Международное сотрудничество / International Cooperation

Оригинальная статья / Original article

[https://doi.org/ 10.31432/1994-2443-2024-19-4-5-28](https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-5-28)

Международный договор о глобальных пандемиях перед лицом будущих пандемий¹

С. К. Варшней¹, Н. К. Прасанна^{2,3} ✉

¹Департамент науки и технологий
Нью-Дели, 110016, Индия

²CSIR–Национальный Институт Научных Коммуникаций
и Политических Исследований (CSIR–NIScPR)

Д-р К.С. Кришнан Марг, Пуса, Нью-Дели, Дели 110012, Индия

³Академия научных и промышленных исследований

Сектор 19, Камла-Нехру-Нагар, Газиабад, штат Уттар-Прадеш, Индия, 201002

✉ prasanna@niscpr.res.in

Аннотация. Множатся проблемы и вызовы, с которыми сталкивается глобальное управление международным общественным здравоохранением, что подчеркивает острую необходимость укрепления международного сотрудничества и совместного использования ресурсов для борьбы с угрозами здоровью. Пандемия COVID-19 выявила значительные недостатки в мировой системе здравоохранения в отношении готовности и механизмов реагирования. Она подчеркнула недостаточность международного сотрудничества и настоятельную необходимость принятия всеобъемлющего договора о пандемиях. В статье рассматриваются причины застоя в разработке договора о пандемиях и подчеркивается необходимость установления справедливых руководящих принципов для защиты от будущих пандемий. Чтобы справиться с регулярной частотой таких угроз и негативных последствий, странам необходимо более тесно сотрудничать для ускорения глобальных исследований путем обмена данными и необходимыми материалами, а также для создания согласованного глобального ответа. Это служит дорожной картой для восстановления после пандемии и позволяет осуществлять своевременные вмешательства и лучше отслеживать распространение заболевания.

Ключевые слова: глобальное взаимодействие, глобальные пандемии, международное сотрудничество, общественное здоровье и здравоохранение, COVID-19, Цели устойчивого развития (ЦУР)

¹ Статья S. K. Varshney, N. K. Prasanna "International Treaty on Global Pandemics to Face Future Pandemics" переведена и опубликована с разрешения авторов и журнала *Science Diplomacy Review* (ISSN 2583-4967).

Статья была впервые опубликована на английском языке в журнале «*Science Diplomacy Review*». 2024; 6(2):2–19. URL: <https://fsd.in/en/science-diplomacy-review>.

© Варшней С. К., Прасанна Н. К., 2024

Для цитирования: Варшней С. К., Прасанна Н. К. Международный договор о глобальных пандемиях перед лицом будущих пандемий. *Информация и инновации*. 2024;19(4):5-28. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-5-28>

International Treaty on Global Pandemics to Face Future Pandemics

S. K. Varshney¹, N. K. Prasanna^{2,3} ✉

¹*Department of Science and Technology
New Delhi, India, 110016, India*

²*CSIR-National Institute of Science Communication and Policy Research
Dr KS Krishnan Marg, Pusa, New Delhi, Delhi 110012, India*

³*Academy of Scientific and Industrial Research
Sector -19, Central Govt. Enclave, Kamla Nehru Nagar
Ghaziabad- 201002 (UP) India*

✉ prasanna@niscpr.res.in

Abstract. The problems and challenges confronting the global governance of international public health are on the rise, emphasizing the critical need for stronger international collaboration and resource-sharing to combat health threats. The COVID-19 pandemic unveiled signifi gaps in the worldwide health care system in terms of preparedness and response mechanisms. It highlighted the inadequacies of international collaboration and the urgent need for a comprehensive pandemic treaty. This paper explores the reasons behind the stalled progress of a pandemic treaty and emphasises the necessity of establishing equitable guidelines to safeguard against future pandemics. To face the regular frequency of these dangers and adverse effects, countries must work together more closely to accelerate global research by sharing the data and necessary raw materials and creating a coordinated global response. This acts as a road map to recover from the pandemic and allows for timely interventions and better tracking of the disease's spread.

Keywords: global engagement, international cooperation, public health and healthcare, pandemic, COVID-19, Sustainable Development Goals (SDGs)

For citation: Varshney S.K., Prasanna N.K. International Treaty on Global Pandemics to Face Future Pandemics. *Information and Innovations*. 2024; 19(4): 5-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-5-28>

Введение

Если раньше вирусным атакам подвергались лишь отдельные страны, то сейчас всё больше регионов по всему миру постепенно становятся уязвимыми для пандемий и их последствий. Пандемия COVID-19 привлекла внимание и подчеркнула необходимость переоценки нашей политики в области здравоохранения (Michie, 2024). Проблемы и вызовы, с которыми сталкивается глобальное управление международным общественным здравоохранением, множатся, что подчеркивает острую необходимость укрепления международного сотрудничества и совместного использования ресурсов для борьбы с угрозами здоровью. Люди в целом должны быть лучше осведомлены о реальности. Как говорится, «Никто не будет в безопасности, пока в безопасности не будут все». Это служит постоянным напоминанием о том, что новые варианты SARS-CoV-2 будут существовать до тех пор, пока вирусу будет позволено неконтролируемо распространяться по всему миру.

Пандемия COVID-19 выявила значительные недостатки в мировой системе здравоохранения в отношении готовности и механизмов реагирования. Она подчеркнула недостаточность международного сотрудничества и настоятельную необходимость принятия всеобъемлющего договора о пандемиях. Несмотря на настоятельную необходимость такого договора, переговоры между государствами-членами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) зашли в тупик летом 2023 года, оставив мировое сообщество на критическом этапе. В данной статье рассматриваются причины застоя в разработке договора о пандемии и подчеркивается необходимость установления справедливых руководящих принципов

для защиты от будущих пандемий. В мае 2023 года страны-члены подошли к крайнему сроку для разработки договора о пандемиях, направленного на преодоление этих системных проблем.

Ожидалось, что соглашение, вероятно, установит единые протоколы готовности к пандемиям, справедливого распределения вакцин и прозрачного обмена данными. Однако переговоры зашли в тупик, поскольку страны сталкивались с различными национальными интересами, экономическими ограничениями и конкурирующими геополитическими повестками. Причины застоя переговоров связаны с: 1) различными национальными интересами, 2) экономическими ограничениями и приоритетами.

Растущая геополитическая напряженность еще больше усложнила достижение консенсуса во время переговоров по договору (Huang et al., 2024). Государства сталкивались с трудностями в сотрудничестве из-за существующих разногласий в области торговли, дипломатии и исторических обид. Увеличение разрыва между группами стран с развитыми экономиками и развивающимися рынками, замедлило переговоры, затрудняя возможность установить согласованный коллективный подход к реагированию на пандемию. Эта фрагментация отражает более широкую геополитическую картину, где системная конкуренция препятствует сотрудничеству. С другой стороны, многие страны с низким уровнем дохода стремятся утвердить свои интересы и потребности на мировой арене.

Они оказываются в уязвимом положении, пытаясь справиться с вызовами, с которыми сталкиваются, от экономической нестабильности до кризисов в области общественного здравоохранения. В итоге существующая геополитическая

динамика не только препятствует их способности эффективно вести переговоры, но и усугубляет трудности. Уроки, извлеченные из вспышки пандемии COVID-19, диктуют срочную необходимость договора о пандемиях. Договор может предоставить странам дорожную карту, чтобы они могли эффективно реагировать и прозрачно сотрудничать во время кризиса. Он также служит основой для устранения глобального неравенства в использовании ресурсов здравоохранения.

Недавно вирусное зоонозное заболевание, известное как оспа обезьян — еще одно инфекционное заболевание, передающееся от животных к людям — было признано международным общественным здравоохранением чрезвычайной ситуацией, поскольку оно является эндемичным для Африки (PHIEC) (Uradhaya et al., 2022). Оспа обезьян, хотя исторически и была эндемичной для определенных регионов, в настоящее время зарегистрирована во многих странах, что свидетель-

ствует о том, что мы не можем позволить себе быть самоуспокоенными в наших усилиях по обеспечению готовности и реагированию (рис. 1). Чтобы справиться с регулярной частотой этих угроз и негативных последствий, странам необходимо более тесно сотрудничать для ускорения глобальных исследований путем обмена данными и необходимыми сырьевыми материалами, а также создания согласованного глобального ответа. Это служит дорожной картой для восстановления после пандемии и позволяет осуществлять своевременные вмешательства и лучше отслеживать распространение заболевания.

Потребность в передаче технологий

«Передача технологий» стала ключевым и спорным вопросом в контексте глобального здравоохранения, особенно в производстве вакцин, диагностических средств и новых лекарств. Эта передача включает как «мягкие технологии», которые содержат критически важные знания, не-

Рис. 1. Глобальная поддержка нового договора о пандемиях
Источник: Health Policy Watch. Автор: Свет Люстиг Виджей

Fig. 1. Global Support for a New Pandemic Treaty
Source: Health Policy Watch. Creator: Svet Lustig Vijay

обходимые для разработки продукта, так и «жесткие технологии», представляющие собой физическую инфраструктуру, такую как заводы и специализированное оборудование, необходимое для производства. Поскольку мир сталкивается с чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения, такими как пандемии, способность быстро и эффективно передавать эти технологии имеет глубокие последствия для справедливости в области общественного здравоохранения.

Процесс передачи технологий часто сопровождается трудностями, в первую очередь потому, что большинство фармацевтических достижений и технологий сосредоточено в странах Глобального Севера (Evaborhene et al., 2023). Владельцы интеллектуальной собственности, часто находящиеся в богатых странах, обладают исключительными знаниями, которые жизненно важны для производства вакцин и лекарств. Это создает ситуацию, когда страны Глобального Юга, несмотря на наличие потребности и потенциальной рабочей силы для производства этих жизненно важных медицинских технологий, сталкиваются с трудностями в получении доступа к необходимым знаниям и инфраструктуре. Такое неравенство в доступе к технологиям не только затрудняет способность этих стран реагировать на кризисы в области здравоохранения, но и усугубляет существующие различия в результатах здравоохранения между различными уровнями доходов.

Чтобы справиться с этими вызовами, все больше звучат призывы к разработке политик, способствующих передаче технологий. Такие инициативы могут включать государственно-частные партнерства, международную кооперацию и удобные регулирующие рамки, которые ставят на первое место обмен

технологиями между странами. Обеспечивая доступ стран Глобального Юга как к мягким, так и к жестким технологиям, необходимым для производства вакцин и лекарств, международное сообщество может повысить глобальную безопасность в области здравоохранения. При этом крайне важно учитывать сложности, связанные с правами интеллектуальной собственности, одновременно создавая среду, способствующую инновациям и справедливому доступу, что в итоге приведет к более устойчивой системе глобального здравоохранения.

Текущая структура для укрепления международного сотрудничества в области всеобщего общественного здравоохранения

На недавнем ежегодном заседании Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ) согласовала ряд важных поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.) (ММСП) и взяла на себя твердые обязательства завершить переговоры по глобальному соглашению о пандемии к 2025 году. Эти поправки усилят глобальную безопасность в области здравоохранения, мониторинг и готовность к чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения, таким как пандемии.

Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ) и её роль

ВАЗ является решающим органом Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Ежегодное собрание делегаций от всех государств-членов ВОЗ, которое проходит каждый год в штаб-квартире ВОЗ в Женеве, Швейцария, подчеркивает важность международного сотрудничества в решении глобальных проблем здравоохранения (Wood, 2023; Kitamura

et al., 2013). Как важный орган в международном сообществе здравоохранения, ВОЗ выполняет ключевые обязанности по определению политики организации, назначению Генерального директора ВОЗ, управлению финансовой политикой и рассмотрению, и утверждению предложенного бюджетного плана программы. Эти функции играют важную роль в обеспечении эффективности и успеха ВОЗ в ее миссии по продвижению здоровья, обеспечению безопасности мира и служению уязвимым группам.

Международные медико-санитарные правила (ММСП)

Международные медико-санитарные правила (ММСП) 1969 года являются инструментом международного права (Gostin & Katz, 2016; Katz and Allen, 2009). Последнее обновление произошло в 2005 году. Около 196 стран, включая Индию, подписали ММСП для разработки и признания потенциальных чрезвычайных ситуаций в области общественного здоровья по всему миру. Согласно ММСП, все страны могут выявлять, оценивать, сообщать и реагировать на события в области общественного здоровья. Основные цели международного сотрудничества заключаются в защите и предотвращении распространения заболеваний на глобальном уровне, а также в поддержании контроля над ними (Juneja et al., 2023). Эти правила предлагают комплексную правовую основу с законами и нормами, которые определяют права и обязанности стран в управлении медицинскими чрезвычайными ситуациями и угрожающими жизни состояниями, которые могут распространяться через международные границы. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) наделена полномочиями слу-

жить основным глобальным мониторинговым органом по ММСП. Правила также определяют конкретные критерии для решения вопроса о том, удовлетворяет ли конкретный инцидент определению чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение (ЧСОЗ) (Mullen, 2020). Обновленные правила ММСП расширили охват событий в области общественного здоровья, включив не только инфекционные заболевания, но и другие чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, такие как химические, биологические, радиологические и ядерные (ХБРЯ) инциденты.

Комплексный пересмотр продолжает расширять охват всех угроз общественному здоровью. В 2014 году вспышка вируса Эбола подчеркнула необходимость в механизмах быстрого реагирования. В 2020 году беспрецедентная жестокость пандемии COVID-19 подвергла испытанию рамки ММСП, выявив как сильные, так и слабые стороны.

Критические вызовы и насущные проблемы, стоящие перед сектором здравоохранения в глобальном мире

Несмотря на то, что ММСП ратифицированы 196 странами и используются в качестве систематической и всеобъемлющей основы для борьбы с пандемией, по-прежнему существует ряд пробелов. Основные возможности правительств предвидеть и реагировать на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения не всегда точно отражаются. Обмен информацией с ВОЗ о локальных вспышках часто задерживается. Это замедляет глобальный ответ, как это произошло в случае с COVID-19 (рис. 2). Отсутствие жесткой реализации государственных политик является основной причиной этого разрыва. Один

из важных шагов в регулировании ММСП в первую очередь сосредоточен на предотвращении распространения инфекций и их раннем выявлении. ММСП регулируются министерствами здравоохранения стран-участниц (Gostin and Katz., 2016). Недостаток более сильной политической воли, особенно для выделения средств и ресурсов, которые могут укрепить ключевые возможности в соответствии с основными принципами ММСП, обычно имеет незначительное влияние на ос-

новную проблему министерств здравоохранения. Несмотря на усилия ВОЗ по разработке лучших методов отслеживания соблюдения ММСП государствами, мало что изменилось. Готовность стран-участниц к реагированию, по-видимому, не была существенно затронута этими мерами, связанными с ММСП. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что ММСП все еще нуждаются в пересмотре, именно поэтому сейчас ведутся переговоры о новом соглашении.

Рис. 2. Самые смертельные мировые пандемии

Fig. 2. World's Deadliest Pandemics

Источник/Source: <https://www.visualcapitalist.com/worlds-deadliest-pandemics-by-population-impact/>

Риск биологической войны

С развитием технологий человечеству угрожает и возможность биотерроризма (Yassif et al., 2023, Rathish, 2023). Согласно данным ВОЗ, биологическое и токсичное оружие — это либо живые организмы, которые намеренно производятся и целенаправленно выпускаются для заражения и убийства людей, животных или растений, такие как вирусы, бактерии или грибы, либо живые организмы, которые производят ядовитые вещества. Устойчивость к противомикробным препаратам (антимикробная резистентность, АМР) — это естественное явление, которое снижает эффективность медикаментов, усложняя или делая невозможным лечение инфекций и заболеваний, которые можно замедлить, но не остановить (Salam, 2023).

По данным ВОЗ, из-за недостатка комплексной оценки АМР является одним из десяти главных глобальных рисков для здоровья человека (Mohan Naghvi, 2022). Во время встречи высокого уровня встречи Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) по антимикробной резистентности министр здравоохранения и благосостояния семьи Индии Ануприя Пател подчеркнула приверженность Индии решению проблемы АМР и приоритет межсекторального сотрудничества в рамках обновленного Национального плана действий (NAP-AMR 2.0) и миссии «Чистая Индия». Она акцентировала внимание на срочной необходимости глобального сотрудничества в борьбе с растущей угрозой антимикробной резистентности.

Неправильное и чрезмерное использование антимикробных средств являются основными факторами в развитии устойчивых к лекарствам патогенов. Внедряя общие рекомендации по использованию антибиотиков (Shrestha et al., 2023),

мы можем лучше регулировать и контролировать их применение. Крайне важно, чтобы все заинтересованные стороны, включая медицинских работников, ветеринаров и законодателей, сотрудничали в установлении этих рекомендаций. Таким образом, мы можем гарантировать ответственное и разумное использование антибиотиков, сохраняя их эффективность для будущих поколений (Рис. 3 и 4).

Глобальный альянс по борьбе с хроническими заболеваниями (ГАХЗ)

ГАХЗ представляет собой объединение государственных исследовательских агентств, которые поддерживают инновационные исследовательские сотрудничества для решения вопросов профилактики и лечения хронических заболеваний для уязвимых групп населения (Ramani-Chander et al., 2023). Поскольку неинфекционные заболевания, такие как болезни сердца и диабет, продолжают представлять собой значительную глобальную проблему здравоохранения, необходимо понимать, что крайне важно для организаций работать вместе, делаясь знаниями и лучшими практиками. Сотрудничество в области управления хроническими заболеваниями может значительно выиграть от обмена знаниями, особенно в таких областях, как профилактика, лечение и изменение образа жизни. Обмениваясь опытом и успешными стратегиями, страны могут учиться друг у друга и способствовать более эффективному управлению заболеваниями на глобальном уровне. Глобальный альянс по борьбе с хроническими заболеваниями (ГАХЗ) служит отличным примером того, как сотрудничество может оказать значительное влияние на решение этих актуальных проблем здравоохранения.

Тип учреждения	Чаще всего выделяемый патоген	Что вызывает патоген	Устойчивость
Отделение интенсивной терапии (ОИТ)	Ацинетобактер баумани	Может вызывать пневмонию, инфекции крови, мочевыводящих путей и раны. Становится все более распространенной госпитальной инфекцией.	Продолжает сохранять 88% устойчивости к сильным антибиотикам широкого спектра действия, таким как карбапенемы.
Отделения и амбулатории	Кишечная палочка (E. coli)	Может вызывать диарею, инфекции мочевыводящих путей, пневмонию и сепсис.	Продолжает демонстрировать растущую устойчивость ко многим классам антибиотиков, включая карбапенемы, уровень которой вырос с 18,6% в 2017 году до 37,3% в 2023 году.

Наиболее распространенные назначения антибиотиков

Рис. 3. Наиболее распространённые в Индии патогены

Источник: годовой отчет Исследовательской сети по антимикробной резистентности и надзору, первое исследование антимикробной резистентности NCDC

Fig. 3. Most Common Pathgens Found in India

Source: annual report of the Antimicrobial Resistance Research and surveillance network, NCDCs first antimicrobial resistance survey

Роль многосторонних агентств по развитию и дипломатии

Ключевые многосторонние организации, включая Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА) и Совместную программу ООН по ВИЧ/СПИДу (UNAIDS), играют важную роль в решении конкретных проблем здраво-

охранения, таких как здоровье детей, репродуктивное здоровье и ВИЧ/СПИД. ВОЗ функционирует как основной координирующий орган глобальных усилий в области здравоохранения в рамках системы Организации Объединенных Наций. Ее обязанности включают установление международных стандартов в области здравоохранения, предоставление

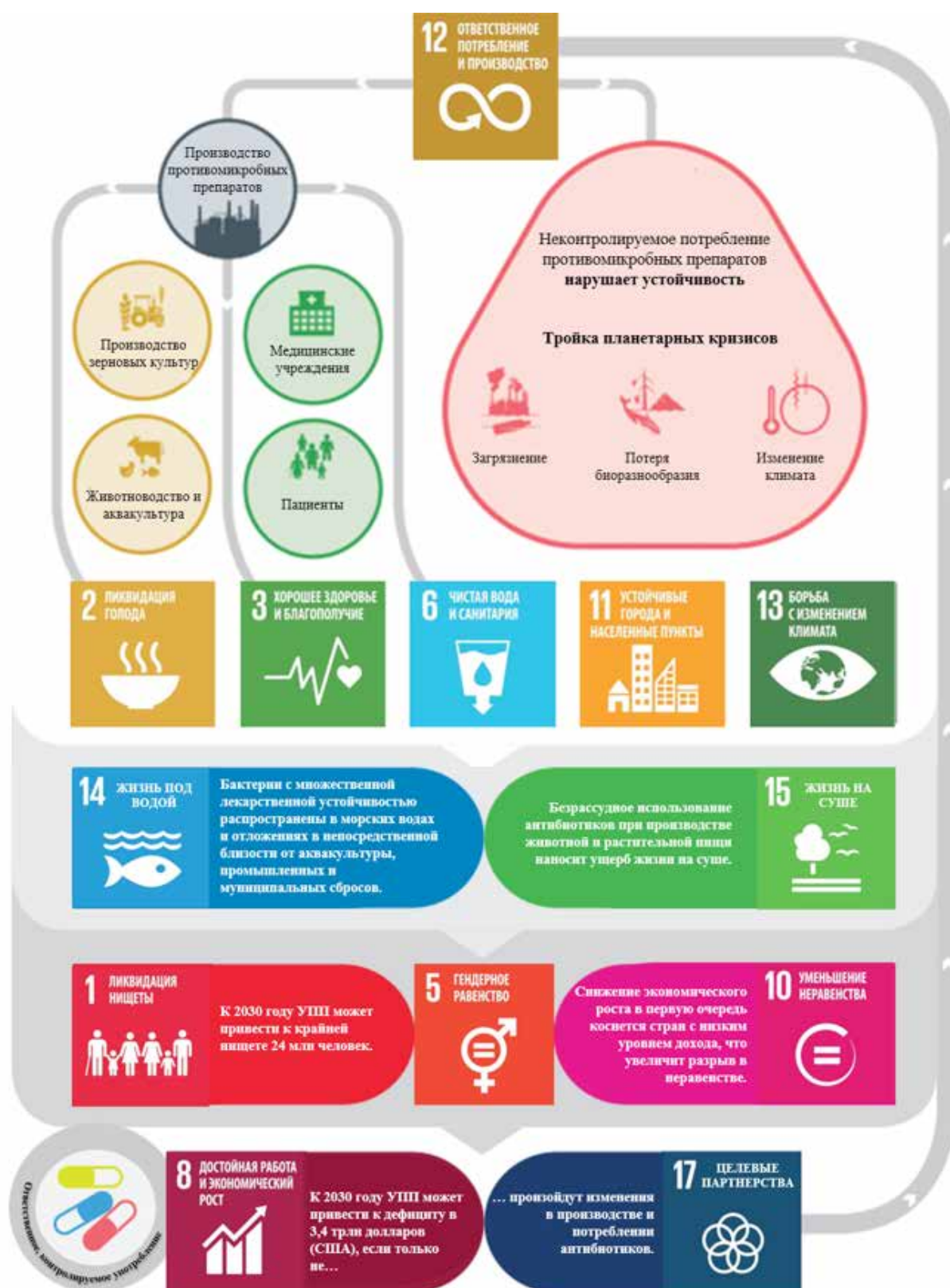

Рис. 4. Антимикробная резистентность: глобальная угроза | Программа ООН по окружающей среде

Fig. 4. Antimicrobial Resistance: A Global Threat | UNEP — UN Environment Programme

технической поддержки странам и контроль за глобальным реагированием на кризисы в области здравоохранения. (Ruger and Yach, 2009).

Глобальные инициативы в области здравоохранения (ГИЗ)

ГИЗ являются стратегическими программами, разработанными для решения конкретных проблем здравоохранения посредством целевых программ, известных как глобальные инициативы в области здравоохранения (J. P. Koplan et al., 2009). Наиболее заметными примерами являются Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией. GAVI, Альянс вакцин, фокусируется на увеличении доступа к вакцинации в странах с низкими доходами, обе эти инициативы имеют решающее значение в борьбе с этими насущными проблемами здравоохранения.

Парадигма государственно-частного партнерства (ГЧП)

Концепция государственно-частного партнерства (ГЧП) стала значимой моделью для содействия сотрудничеству между различными секторами — правительствами, некоммерческими организациями (НКО) и частным сектором. Совместная работа позволяет эффективно объединять ресурсы и экспертизу для решения сложных задач, которые выходят за пределы возможностей любой отдельной организации (Rajabi et al., 2021; Doucet et al., 2024). Примером такого сотрудничества является Фонд Билла и Мелинды Гейтс, который работает над улучшением показателей здравоохранения во всем мире (Denmark, 2024). Благодаря партнерству с правительствами, организациями здравоохранения и другими филантропическими структурами, этот фонд вложил

значительные средства в инициативы, направленные на борьбу с инфекционными заболеваниями, улучшение здоровья матери и ребенка, а также на содействие доступу к вакцинам и необходимым услугам здравоохранения в недостаточно обеспеченных популяциях по всему миру.

Инициативы ГЧП используют уникальные сильные стороны каждого сектора: государственные органы обеспечивают нормативные рамки и государственные ресурсы, некоммерческие организации НКО предлагают специализированные знания и вовлечение сообщества, в то время как частные компании приносят инновации, эффективность и возможности инвестиций. Такие синергетические отношения могут привести к более эффективным и устойчивым решениям, особенно в таких областях, как развитие инфраструктуры, здравоохранение, образование и экологическая устойчивость.

Влияние региональных организаций на международные отношения

Региональные организации, такие как Панамериканская организация здравоохранения (ПАНО) для стран Америки (ПАНО, 2024) и Африканский союз, играют ключевую роль в координации инициатив в области здравоохранения в своих регионах, тем самым укрепляя глобальные усилия в области здравоохранения, адаптированные к местным потребностям (Ana et al., 2021). Таким образом, существующая система глобального сотрудничества в области здравоохранения представляет собой сложную сеть многосторонних агентств, международных нормативов, целевых инициатив в области здравоохранения, государственно-частных партнерств и региональных организаций, которые совместно работают над решением

проблем здравоохранения во всем мире (Jones, 2022).

Недостаток сотрудничества и глобального взаимодействия

Во время пандемии COVID-19 страны с высоким доходом не стали делиться вакцинами, лекарствами и диагностикой справедливым способом, и весь остальной мир оказался уязвимым к последствиям этого неравенства. В итоге это привело к появлению вирусных вариантов (Hameed et al., 2022). Из-за ограничений патентов на значительной части земного шара уровень вакцинации ниже нормы, и там все еще остаются очаги не вакцинированных людей.

Преимущества глобального договора о пандемиях

Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ) провела специальную сессию в декабре 2021 года — вторую с момента основания организации в 1948 году — и решила создать глобальный договор по пандемиям для «укрепления возможностей предотвращения пандемий, подготовленности и реагирования». Межправительственный переговорный орган (МППО) будет отвечать за разработку и согласование договора в соответствии со статьей 19 Конституции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (Syam и Tellez, 2024). ВОЗ играет ключевую роль в координации международных инициатив в области здравоохранения и реагировании на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Статья 19 Конституции ВОЗ позволяет Всемирной ассамблее здравоохранения принимать регламенты, касающиеся карантинных мер, которые применяются ко всем государствам-членам. В этом контексте МППО стремится разработать

комплексный договор, направленный на улучшение готовности и реагирования на будущие пандемии и другие глобальные угрозы здравоохранению.

Основной целью МППО является разработка юридически обязательного документа, в котором будут определены обязанности государств-членов ВОЗ по предотвращению, подготовке и реагированию на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Это включает вопросы, связанные с равным доступом к вакцинам и медицинским ресурсам, обязательствами по наблюдению и отчетности, а также укреплением систем здравоохранения во всем мире. МППО состоит из представителей государств-членов ВОЗ, которые назначаются на основе их опыта и экспертизы в области общественного здравоохранения и международного права. Переговорный орган спроектирован так, чтобы быть инклюзивным, гарантируя, что голоса стран с низкими и средними доходами будут услышаны на протяжении всего процесса переговоров. В течение этой фазы процесс разработки договора включает несколько этапов:

1. **Консультации:** проводятся первоначальные консультации с заинтересованными сторонами, включая страны-участники, международные организации, неправительственные организации (НПО) и представителей гражданского общества, чтобы собрать разнообразные точки зрения и мнения.

2. **Разработка** руководящих принципов: на основе консультаций МППО разрабатывает первоначальные руководящие принципы и определяет структуру договора.

3. **Сессии переговоров:** МППО проводит несколько сессий, позволяя государствам-членам вести переговоры

по тексту, вносить предложения и вносить изменения в положения.

4. **Окончательная разработка** проекта: после достижения консенсуса МППО готовит окончательный проект, который затем представляется Всемирной ассамблее здравоохранения для утверждения.

5. **Принятие и реализация:** как только договор утвержден, государства-члены приглашаются к его ратификации и реализации положений на национальном уровне.

Одной из главных проблем и соображений является обеспечение политической воли и согласование разнообразных интересов среди государств-членов путем обязательства подписать юридически обязательный договор. Страны имеют разные интересы, особенно по таким вопросам, как права интеллектуальной собственности, справедливое распределение вакцин и механизмы финансирования.

Обеспечение равенства, баланс национального суверенитета и глобальных обязанностей

Важнейшим фактором в процессе переговоров по договору является справедливый доступ к ресурсам здравоохранения. Межправительственный переговорный орган (МППО) должен обеспечить то, чтобы положения договора учитывали потребности стран с низкими и средними доходами, которые часто имеют меньшие возможности для реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Часто государства-члены испытывают нежелание передавать часть своего суверенитета глобальной структуре.

В этом процессе МППО должен преодолевать эти опасения, подчеркивая выгоду коллективного сотрудничества в области

общественного здравоохранения. Основным ожидаемым результатом является успешная реализация договора, разработанного МППО, для создания рамок более скоординированного и совместного глобального управления здравоохранением. Это может привести к улучшению реагирования на будущие чрезвычайные ситуации в области здравоохранения и повышению готовности.

Усиление прозрачности и подотчетности

Юридически обязательный договор может способствовать большей прозрачности и подотчетности среди государств-членов в отношении их обязательств по обеспечению безопасности здравоохранения. Это может способствовать доверию и сотрудничеству в глобальных инициативах здравоохранения. Одним из основных преимуществ юридически обязательного формата является то, что он обязывает государства-члены открыто делиться критической информацией о своих возможностях, ресурсах и проблемах в области здравоохранения. Эта прозрачность имеет решающее значение для того, чтобы страны могли лучше понять и устранять угрозы здравоохранению, поскольку она позволяет оценить как сильные, так и слабые стороны в подготовке к глобальным проблемам здравоохранения. Помимо содействия прозрачности, юридически обязывающий договор также может способствовать ответственности. Когда страны несут ответственность за свои обязательства, они с большей вероятностью предпримут необходимые действия для защиты общественного здравоохранения. Эта подотчетность может проявляться в различных формах, таких, как регулярная отчетность, обзоры коллег и механизмы оценки со-

блюдения обязательств по договору. Отвечая на требования по подотчетности, договор подкрепляет важность коллективной ответственности в решении глобальных проблем здравоохранения.

Кроме того, повышение доверия, возникающее из-за большей прозрачности и ответственности, может привести к улучшению сотрудничества между государствами-членами. Когда страны открыто рассказывают о своих усилиях по обеспечению безопасности здравоохранения и несут ответственность за свои действия, это поощряет сотрудничество и обмен передовым опытом. Этот кооперативный дух может укрепить глобальные инициативы здравоохранения, помогая создать более прочные системы реагирования на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, будь то связано с инфекционными заболеваниями, стихийными бедствиями или другими угрозами общественному здравоохранению.

Поддержка Целей устойчивого развития (ЦУР)

Договор может соответствовать более широким целям Целей устойчивого развития (ЦУР), особенно Цели 3, которая направлена на обеспечение здоровой жизни и содействие благополучию людей всех возрастов. Это обязательство не ограничивается лишь улучшением систем здравоохранения, но включает в себя целостный подход, который предполагает решение социальных детерминант здоровья, обеспечение доступа к необходимым услугам здравоохранения, улучшение психиатрической помощи, предотвращение инфекционных и неинфекционных заболеваний, а также пропаганду здоровья через образование. Выравниваясь с этой целью, договор может

существенно способствовать созданию более здорового и равноправного мира, где каждый человек, независимо от возраста, имеет возможность вести полноценную и яркую жизнь, свободную от предотвратимых недугов и страданий. Таким образом, создание Межправительственного переговорного органа (МППО) представляет собой важный момент в эволюции международного права и управления здравоохранением. В процессе обсуждения договора в соответствии со статьей 19 Конституции ВОЗ, МППО сможет устранить системные слабости, выявленные в ходе прошлых кризисов в области здравоохранения, и создать прочную основу для глобальной безопасности здравоохранения. для улучшения здоровья населения.

Несмотря на предстоящие проблемы, продолжающаяся работа МППО символизирует приверженность коллективным действиям, устойчивости и совместной ответственности в защите общественного здравоохранения во всем мире.

Статья 19 гласит, что любой вопрос, находящийся в компетенции Организации, может быть предметом конвенций или соглашений, которые могут быть приняты Всемирной ассамблеей здравоохранения (Gostin et al., 2023). Такие конвенции или соглашения могут быть приняты Всемирной ассамблеей здравоохранения только при условии двух третей голосов. Второй такой инициативой в рамках статьи 19 станет этот проект. Рамочная конвенция ВОЗ по контролю над табаком, которая вступила в силу в 2005 году, была первой. Ожидается, что новый договор по пандемиям будет охватывать такие аспекты, как обмен данными, секвенирование генома новых вирусов, справедливое распределение вакцин и лекарств, а также связанные с этим глобальные

исследования (Roemer et al., 2005). Этот договор также может улучшить способность многих стран, особенно стран с низкими и средними доходами, производить вакцины, лекарства и диагностические средства благодаря глобальному обязательству по предоставлению ресурсов, знаний и передаче технологий. Например, Конвенция о биологическом разнообразии или Венская конвенция по защите озонового слоя. Эти форумы создали доверие и своевременно согласовали конкретные цели. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, и Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и их обмене, которые были приняты позже, являются отличными примерами и сыграли решающую роль в глобальных пандемиях (Farias, 2023).

Международные экологические соглашения стали фундаментальными инструментами в глобальных усилиях по решению насущных проблем, таких как изменение климата, потеря биоразнообразия и чрезвычайные ситуации в области здравоохранения, включая пандемии.

Два заметных примера — Монреальский протокол, принятый в 1987 году, и Нагойский протокол, который был установлен гораздо позже в 2010 году. Монреальский протокол успешно исключил из обращения многие вещества, ответственные за истощение озонового слоя, что существенно способствовало восстановлению этого критически важного атмосферного щита. Нагойский протокол, с другой стороны, решает проблему справедливого и равноправного распределения выгод, возникающих при использовании генетических ресурсов, подчеркивая устойчивые практики, которые

могут косвенно помочь предотвратить кризисы в области здравоохранения.

Воздействие Монреальского протокола

Монреальский протокол был разработан в ответ на растущие опасения по поводу истощения озонового слоя, вызванного хлорфторуглеродами (ХФУ) и другими веществами, разрушающими озон (ОРВ). Протокол установил юридическую ответственность для стран по выводу из обращения этих веществ, что привело к замечательному снижению их концентрации в атмосфере. Успех Монреальского протокола подтверждается ожидаемым восстановлением озонового слоя, который, как ожидается, вернется к своим уровням 1980-х годов к середине XXI века. Защищая эффективно озоновый слой, Монреальский протокол способствует значительному снижению заболеваемости, усугубляемой повышенной экспозицией ультрафиолетовому излучению. Исследования показали, что с восстановлением озонового слоя благодаря поэтапному выводу ОРВ будут наблюдаться существенные долгосрочные выгоды для здоровья, включая прогнозируемое снижение случаев рака кожи, уменьшение нагрузки на системы здравоохранения и улучшение общего здоровья населения во всем мире.

Роль в глобальном здравоохранении и борьбе с пандемиями

Косвенные выгоды Монреальского протокола распространяются на общественное здравоохранение. Озоновый слой защищает жизнь на Земле от вредного ультрафиолетового (УФ) излучения, которое связано с раком кожи, катарактой и другими проблемами со здоровьем. Защищая озоновый слой, протокол

играет важную роль в снижении заболеваемости, усугубляемой повышенной экспозицией УФ-излучению. Кроме того, урок, извлеченный из реализации Монреальского протокола, заключается в том, чтобы способствовать готовности к глобальным пандемиям. Протокол был разработан и принят в ответ на насущный глобальный экологический кризис и демонстрирует важность своевременных действий на основе научного консенсуса. Этот дух срочности и сотрудничества, который определил создание протокола, может послужить ценным образцом для будущих ответов на кризисы в области здравоохранения, такие как пандемии. В условиях появления новых инфекционных заболеваний Монреальский протокол подчеркивает необходимость глобальной солидарности и сотрудничества. Он показывает, что эффективные ответы на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения зависят не только от того, что отдельные страны принимают активные меры, но и от прочных международных партнерств и обмена знаниями и ресурсами. Акцент на научном консенсусе, как это видно в процессе ратификации протокола, подкрепляет идею о том, что действия в области общественного здравоохранения должны основываться на прочных исследованиях и доказательствах.

Нагойский протокол: цели и значение

Нагойский протокол был принят для усиления справедливого и равноправного распределения выгод, полученных от генетических ресурсов. Он создает рамки, которые гарантируют права стран регулировать доступ к их генетическим ресурсам, одновременно определяя обязанности пользователей.

Содействуя устойчивому использованию и сохранению биоразнообразия, Нагойский протокол направлен на поддержку как экологической целостности, так и справедливого распределения выгод.

Вклад в общественное здравоохранение и борьбу с пандемиями

Связь между генетическими ресурсами, биоразнообразием и общественным здравоохранением все чаще признается, особенно в контексте возникновения зоонозных заболеваний. Доступ к генетическим ресурсам может облегчить исследование и разработку вакцин, лекарств и технологий, которые имеют решающее значение для решения проблем здравоохранения, включая пандемии. Обеспечивая справедливую компенсацию странам за использование их генетических ресурсов, Нагойский протокол стимулирует сохранение биоразнообразия, которое является важным для поддержания экосистем, поддерживающих здоровье человека. Кроме того, протокол поощряет сотрудничество между странами, исследователями и коренными сообществами, способствуя целостному подходу к здравоохранению, который объединяет традиционные знания с научными исследованиями. Этот совместный механизм имеет решающее значение перед лицом глобальных угроз здравоохранению, поскольку он может привести к инновационным решениям, уважающим местные культуры и практики.

Синергия между протоколами

Монреальский и Нагойский протоколы демонстрируют, как международные договоры могут синергично применяться как для защиты как окружающей среды, так и общественного здравоохранения. Успешная реализация Монреальского

протокола создала прецедент для глобального сотрудничества, предоставив ценные знания, которые могут быть применены к целям Нагойского протокола. Оба протокола подчеркивают важность научных исследований в информировании политических решений и необходимость обмена данными в борьбе с пандемиями.

Совместный дух, культивируемый через эти соглашения, способствует культуре взаимного доверия и уважения, которая необходима для решения глобальных проблем, выходящих за рамки национальных границ. Эти два протокола представляют собой два образцовых случая международного управления, решающего экологические и связанные со здоровьем вопросы. Их совместные усилия подчеркивают важность глобального сотрудничества перед лицом общих проблем, таких как глобальные пандемии. Стремясь к экологической устойчивости и справедливому распределению ресурсов, эти протоколы вносят вклад в основные элементы общественного здравоохранения, подчеркивая взаимосвязь благополучия человека, биоразнообразия и экологического здоровья. Когда мир сталкивается с возрастающими угрозами от изменения климата, потери биоразнообразия и появления новых инфекционных заболеваний, принципы, установленные Монреальским и Нагойским протоколами, служат важными рамками для будущего международного сотрудничества. Политики и заинтересованные стороны должны использовать уроки, извлеченные из этих соглашений, чтобы создать интегрированный подход к защите окружающей среды и общественному здравоохранению, который отстаивает устойчивость, равенство и устойчивость перед лицом глобальных проблем.

Дохинская декларация

Дохинская декларация, сформулированная во время Четвертой Министерской конференции Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 году, остается ключевым документом, касающимся торговых политик, особенно в контексте технологий, связанных со здоровьем, и региональных торговых соглашений. Она подчеркивает необходимость ясности и улучшения процедур в отношении существующих правил ВТО, связанных с этими соглашениями. Текущие проблемы, вызванные пандемией COVID-19, в сочетании с просьбами стран, таких как Южная Африка и Индия, об отмене патентных прав на технологии, связанные с COVID-19, еще больше подчеркивают срочность решения этих проблем.

Кроме того, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) инициировала обсуждения по Глобальному договору по пандемиям для усиления международного сотрудничества и готовности перед лицом возникающих кризисов в области здравоохранения. Последствия Дохинской декларации, продолжающихся дискуссий по патентам и предложенного Глобального договора по пандемиям в итоге подчеркивают необходимость совместного и справедливого подхода к торговле и здравоохранению.

Дохинская декларация и региональные торговые соглашения

Дохинская декларация подчеркивает важность региональных торговых соглашений (РТС) в рамках ВТО. Она призывает членов уточнить и улучшить нормативные нормы и процедуры, связанные с этими соглашениями, признавая их растущую распространенность в международной торговле. Как отмечает Abbott (2022), расширение РТС требует тщательного

изучения того, как эти соглашения соответствуют принципам ВТО, гарантируя, что они не подрывают многостороннюю торговую систему. Поскольку динамика глобальной торговли смещается в сторону регионализма, становится крайне важным сбалансировать преимущества этих соглашений и необходимость справедливой конкуренции и нормативной согласованности. Акцент Дохинской декларации на прозрачности и необходимости согласования РТС с более широкими торговыми правилами может привести к более устойчивым торговым практикам и усилению сотрудничества между странами-членами.

Права на патенты и доступ к технологиям против COVID-19

Текущие дискуссии вокруг прав на патенты и доступа к вакцинам и методам лечения COVID-19 отражают лежащую в их основе напряженность в международной торговле и политике здравоохранения. Южная Африка и Индия возглавили запросы в ВТО об отказе от прав на патенты, связанные с технологиями против COVID-19, отстаивая более широкий доступ к этим важным ресурсам для развивающихся стран.

Нежелание ВТО снять данные ограничения вызвала широкую дискуссию о конфликте между правами интеллектуальной собственности и общественным здравоохранением. Дебаты сосредоточены вокруг принципов справедливости и честности, поскольку страны с ограниченным доступом к медицинским технологиям борются с пандемией неэффективно. Дохинская декларация изначально признала здоровье фундаментальным правом человека, подразумевая, что торговые правила не должны препятствовать доступу к важным ресурсам здравоохра-

нения (Syed, 2024). Ситуация требует переоценки баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и обеспечением равного доступа к спасающим жизни технологиям для всех стран.

Глобальный договор о пандемиях

Признавая необходимость усиления глобальной готовности к будущим пандемиям, ВОЗ начала разработку Глобального договора по пандемиям. Этот договор направлен на создание рамок международного сотрудничества, сосредоточив внимание на обмене информацией, ресурсами и технологиями для эффективного смягчения последствий пандемий. Подход подчеркивает принципы справедливости, честности, взаимной поддержки и здоровья для всех, которые важны для решения кризисов в области здравоохранения во взаимосвязанном мире. Этот договор было поручено разработать Межправительственному переговорному органу (МППО), с ожидаемой датой завершения в мае 2024 года. Обсуждения вокруг договора представляют собой возможность интегрировать уроки, извлеченные из пандемии COVID-19, в единую глобальную стратегию здравоохранения. Решая проблемы пробелов в международном сотрудничестве и неравенства в доступе к технологиям здравоохранения, Глобальный договор по пандемиям может проложить путь к более равноправной системе здравоохранения.

Дохинская декларация имеет существенные последствия для современных проблем в торговле и здравоохранении, особенно в отношении региональных торговых соглашений и доступа к важным медицинским технологиям. Продолжающиеся дискуссии вокруг отказа от патентных прав на технологии против COVID-19 подчеркивают срочную необхо-

димось сбалансированного подхода, который согласовывает торговые регуляции с требованиями общественного здравоохранения. Кроме того, предложенный Глобальный договор по пандемиям представляет собой важный шаг на пути к укреплению международного сотрудничества и готовности перед лицом будущих кризисов в области здравоохранения. По мере продвижения переговоров крайне важно уделять приоритетное внимание принципам справедливости, честности и взаимной поддержки для создания устойчивой и равноправной глобальной инфраструктуры здравоохранения. Через сотрудничество и приверженность данной цели международное сообщество может преодолеть сложности торговли и здравоохранения, чтобы обеспечить более здоровое будущее для всех.

Согласно Дохинской декларации, переговоры должны сосредоточиться на «выяснении и улучшении норм и процедур в рамках существующих правил ВТО, касающихся региональных торговых соглашений; в ходе переговоров должен учитываться рост региональных торговых соглашений» (Abbott, 2022). Запрос Южной Африки и Индии об отказе от патентных прав на технологии, связанные с COVID-19, пока не был принят ВТО. Глобальный договор по пандемиям, признавая необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества для обеспечения лучшей готовности и сбалансированного реагирования на возникающие пандемии, ВОЗ начала процесс создания и ратификации нового международного договора. Это признание необходимости еще больше способствует улучшению международного сотрудничества и продвигает принципы справедливости, честности, взаимной поддержки и здоровья для

Этот договор будет создан через обсуждения и дискуссии Межправительственного переговорного органа (МППО), с конкретной целью завершить процесс к маю 2024 года. Для решения всех возможных угроз и рисков, таких как взаимодействие экосистем животных и человека, для противостояния будущим пандемиям требуется скоординированный, совместный, междисциплинарный и межсекторальный подход.

Обмен передовым опытом, опытом и стратегиями между странами, непрерывный диалог и сотрудничество в международных форумах могут постепенно облегчить создание консенсусного решения. Будущие перспективы глобального договора по пандемиям вызывают надежду, но они осложнены множеством проблем. Продолжающиеся дискуссии и усилия по созданию комплексной структуры для подготовки и реагирования на пандемии имеют решающее значение для предотвращения будущих кризисов в области здравоохранения. Решая ключевые вопросы, такие как равенство, координация, сотрудничество в исследованиях и ответственность, мировое сообщество может приблизиться к прочному договору, который укрепляет глобальную безопасность здравоохранения. В итоге успех такой инициативы будет зависеть от политической воли стран, приверженности сотрудничеству и признания общей ответственности за защиту глобального здравоохранения.

Потенциальные последствия задержки принятия договора по пандемиям

Срочность принятия предложенного договора по пандемиям подчеркивается усиливающимися угрозами, исходящими от изменения климата, потери биораз-

нообразия и химического загрязнения, которые являются взаимосвязанными факторами, способствующими возникновению потенциальных новых рисков пандемий.

Поскольку человеческая деятельность продолжает изменять использование земель и вторгаться в природные среды обитания, взаимодействие между людьми и животными становится более интенсивным, повышая риск зоонозных вспышек, которые могут спровоцировать новые инфекционные заболевания. Это служит сигналом для немедленных действий, поскольку нам необходимы эффективные структуры управления для предвидения и смягчения последствий будущих пандемий, а не реактивного реагирования после факта. Пандемия COVID-19 ярко продемонстрировала неадекватность существующих международных рамок, особенно в отношении подготовки и реагирования на пандемию. Хотя мы установили нормы, касающиеся пандемического гриппа, глобальный ответ на COVID-19 показал значительные недостатки в этих ожиданиях, поскольку страны старались сотрудничать и одновременно соблюдать согласованные протоколы. Эта коллизия не только поставила под угрозу общественные меры здравоохранения, но и ослабила доверие между странами — а это важнейший элемент для эффективного международного сотрудничества в кризисные времена.

В итоге договор по пандемиям представляет собой не просто регулирующую меру; он служит решающим шагом на пути к восстановлению доверия и возрождению чувства общей ответственности среди стран и международных институтов, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Устанавливая четкие нормы и ожидания в отношении

подготовки к пандемиям, мы можем создать более кооперативную глобальную среду, которая отдает приоритет коллективным действиям и обмену знаниями, что является важным для решения будущих угроз здравоохранению. Время действительно имеет решающее значение; чем дольше мы задерживаемся с официальным оформлением этих соглашений, тем больше рисков мы наследуем для себя и будущих поколений, продолжая ориентироваться в сложностях нашего меняющегося мира.

Рекомендации: необходимость договоров для глобального блага

Основной целью должно стать раннее обнаружение и предотвращение пандемий. Это можно достичь, укрепив процесс отчетности стран, используя совместные внешние обзоры и частые последующие проверки. Обеспечение равного и справедливого доступа ко всему миру к вакцинам, лекарствам и диагностическим средствам необходимо для борьбы с будущими пандемиями (Worsley-Tonks, 2022). Существует необходимость в улучшении наблюдения за рисками пандемий, таких как увеличение лабораторных и наблюдательных возможностей, необходимых для выявления заболеваний животных во всех странах, и усиление глобального сотрудничества между исследовательскими учреждениями во всем мире. Это облегчит сбор данных по всему миру, что поможет лучше понять заболевание и улучшить координацию и сотрудничество международного финансирования для основных возможностей. Это обеспечит лучшую систему здравоохранения и в развивающихся или бедных странах. Для распределения рисков, вызванных эпидемиями

инфекционных заболеваний, может быть создан новый механизм страхования. В то же время этот механизм будет использоваться для содействия соблюдению глобального договора по пандемиям. Мы

все, граждане как высокодоходных, так и низкодоходных стран, будем чувствовать себя в безопасности в будущем от любого зоонозного заболевания или биотерроризма (Worsley-Tonks et al., 2022).

ВКЛАД АВТОРОВ

Равный вклад авторов.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Equal contribution.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Michie J. 2024. Learning the lessons from the Covid-19 pandemic. *International Review of Applied Economics*. 38(3): 376–382. 1). <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02692171.2024.2355733?src=>
2. Huang Y., Jiang S. and Kumah E. China and the WHO pandemic treaty: a dive into stance, underpinnings, and implications. *Front. Public Health*, 30 January 2024, Sec. Public Health Policy, Volume 12–2024.
3. Upadhayay S., Arthur R., Soni D., Yadav P., Navik U., Randhir S., Singh Thakur Gurjeet and Kumar P. 2022. Monkeypox infection: The past, present, and future. *International Immunopharmacology*. 113: 1–7. <https://www.sciencedirect.com/topics/medicine-and-dentistry/monkeypox>
4. Evaborhene N.A., Udokanma E. E., Adebisi Y. A., Okorie C. E., Kafuko Z., Conde H. M., Waliaula C. and Mburu S. The Pandemic Treaty, the Pandemic Fund, and the Global Commons: our skepticism. *BMJ Glob Health*. 2023; 8(2): e011431.
5. Wood J. 2023. 'What is the World Health Assembly and why is it important?', Health and Healthcare Systems, *World Economic Forum*. <https://www.weforum.org/agenda/2023/05/world-health-assembly-who-healthcare-what-it-is-and-importance/>
6. Kitamura T., Obara H., Takashima Y., Takahashi Kenzo. K, Inaoka, Nagai M., Endo H., Jimba M. and Sugiura Y. 2013. World Health Assembly Agendas and trends of international health issues for the last 43 years: Analysis of World Health Assembly Agendas between 1970 and 2012. *Health Policy*. 110(2): 198–206. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7114578/>
7. Gostin L.O. and Katz R. 2016. The International Health Regulations: The Governing Framework for Global Health Security. *Milbank Q*. 94(2):264–313. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4911720/>
8. Katz R. and Allen H. 2009. Domestic Understanding of the Revised International Health Regulations. *Public Health Rep*. 124(6): 806–812. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2773943/>
9. Juneja T., Gandhi N., Kotwal D. A. 2023. Is the proposed global treaty an answer for public health emergencies? *BMJ Glob Health*. 8: 1–5. <https://gh.bmj.com/content/8/9/e012759>

10. Mullen L., Potter C., Gostin L. O., Cicero A. and Nuzzo J. B. 2020. An analysis of International Health Regulations Emergency Committees and Public Health Emergency of International Concern Designations. *BMJ Glob Health*. 5(6): e002502. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7299007/>
11. Yassif J.M., Korol S. and Angela K. 2023. Guarding Against Catastrophic Biological Risks: Preventing State Biological Weapon Development and Use by Shaping Intentions. *Health Secur.* 21(4): 258–265. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10357110/>
12. Rathish B., Wilson A. R.P. and Pillay V.V. 2023. Comprehensive Review of Bioterrorism. *StatPearls Publishing*. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK570614/>
13. Salam Md. A., Al-Amin Md. Y., Salam M. T. Pawar J. S., Akhter N., Rabaan A. A. and Alqumber, Mohammed A. A. 2023. Antimicrobial Resistance: A Growing Serious Threat for Global Public Health. *Healthcare (Basel)*. 11(13): 1946. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10340576/>
14. Mohan Nagvi, Antimicrobial Resistance Collaborators. 2022. Global burden of bacterial antimicrobial resistance in 2019: a systematic analysis. *Lancet*. 399(10325): 629–655. [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(21\)02724-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)02724-0/fulltext)
15. Shrestha J., Zahra F. and Cannady Jr.P. 2023. *StatPearls Publishing*. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK572068/>
16. Ramani-Chander A., Thrift A., van Olmen J., Wouters E., Delobelle P., Vedanthan R., Miranda J. J., Stephen S., Teede H. J., Joshi R. 2023. Prioritising and planning scale-up research projects targeting noncommunicable diseases: a mixed-method study by the Global Alliance for Chronic Diseases upscaling working group. *BMJ Glob Health*. 8: e012804. <https://gh.bmj.com/content/8/11/e012804>
17. Ruger J.P. and Yach D. 2009. The Global Role of the World Health Organization, Glob Health Gov. *Glob Health Gov*. 2(2): 1–11. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3981564/>
18. Jeffrey P. Koplan, T. Christopher Bond, Michael H. Merson, K. Srinath Reddy, Mario Henry Rodriguez, Nelson K. Sewankambo, Judith N. Wasserheit. Towards a common definition of global health *Lancet* 2009 Jun 6;373(9679):1993-<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19493>
19. Rajabi M., Ebrahimi P. and Aryankhesal A. 2021. Collaboration between the government and nongovernmental organizations in providing health-care services: A systematic review of challenges. *J Educ Health Promot*. 10: 242. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8318181/>
20. Doucet T.C., Duinker P. N., Zurba M., Steenberg J. W.N., Charles J. D. Perspectives of successes and challenges in collaborations between non-governmental organization and local government on urban forest management. *Urban Forestry & Urban Greening*. 93: 1–10. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1618866724000177>
21. Denmark H. 2024. Novo Nordisk Foundation, Wellcome, and the Gates Foundation Join Forces to Accelerate Global Health Equity and Impact, Bill & Melinda Gates

- Foundation. <https://www.gatesfoundation.org/ideas/media-center/press-releases/2024/05/novo-nordisk-welcome-health>
22. Ana B. Amaya and Philippe De Lombaerde. 2021. Regional cooperation is essential to combatting health emergencies in the Global South, *Global Health* 17: 9. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7796806/>
 23. Jones C.M., Sobngwi-Tambekou J., Mijumbi R. M., Hedquist A., Wenham C. and Parkhurst J. 2022. The Roles of Regional Organisations in Strengthening Health Research Systems in Africa: Activities, Gaps, and Future Perspectives. *Int J Health Policy Manag.* 11(11), 2672–2685. https://www.ijhpm.com/article_4213.html
 24. Hameed M.M., Cheeti N. S., Sheokand A., Mago A. and Desai S. 2020. Factors influencing international collaboration on the prevention of COVID-19. *Public Health.* 212: 95–101. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9458694/>
 25. Syam N. and Tellez V. M. 2024. The WHO Intergovernmental Negotiating Body process and the revised draft of the WHO Pandemic Agreement (A/INB/9R/3), South Centre. https://www.southcentre.int/wp-content/uploads/2024/04/PB128_The-WHO-Intergovernmental-Negotiating-Body-Process-and-the-revised-draft-of-the-WHO-Pandemic-Agreement_EN.pdf
 26. Gostin L. O. Danwood, Chirwa M., Clark H., Habibi R., Kümme, B., Mahmood J., Mason B., Meier Mpanju-Shumbusho, Reddy W. K. S. Waris A. and Were M. K. 2023. The WHO's 75th anniversary: WHO at a pivotal moment in history, *BMJ Glob Health* 8(4): e012344. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10124202/>
 27. Roemer R., Taylor A. and Lariviere J. 2005. Origins of the WHO Framework Convention on Tobacco Control. *Am J Public Health.* 95(6): 936–938. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1449287/>
 28. Farias D.B.L. 2023. Country differentiation in the global environmental context: Who is 'developing' and according to what? *Int Environ Agreements.* 23:253–269. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10784-023-09596-9>
 29. Abbott F.M. 2002. The Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health: Lighting a Dark Corner at the WTO. *Journal of International Economic Law.* 5(2): 469–505. <https://academic.oup.com/jiel/article-abstract/5/2/469/2193614?redirectedFrom=fulltext>
 30. Syed S. Implementation of TRIPS Flexibilities and Injunctions: A Case Study of India. South Centre, Geneva: 15 FEBRUARY 2024.
 31. Worsley-Tonks K.E.L., Bender J. B., Deem S. L., Ferguson A. W., Fèvre E. M., Martins D. J., Muloi D.M., Murray S., Mutinda M., Ogada D., Omondi G. P., Prasad S., Wild H., Zimmerman D. M. and Hassell J. M. 2022. 'Strengthening global health security by improving disease surveillance in remote rural areas of low-income and middleincome countries', *LancetGlob Health.* 10(4): e579-e584. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8923676/>
 32. Zoonotic Diseases: Disease Transmitted from Animals to Humans. <https://www.health.state.mn.us/diseases/animal/zoo/index.html>
 33. NIH. 2024. Global Alliance for Chronic Diseases, Fogarty InternationalCenter. <https://www.fic.nih.gov/Funding/Pages/collaborations-gacd.aspx>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. К. Варшней, бывший учёный, Департамент науки и технологий, Нью-Дели, Индия.

Н. К. Прасанна, доктор философии, старший научный сотрудник и научный редактор «Индийского журнала биохимии и биофизики», CSIR — Национальный институт научных коммуникаций и политических исследований, Нью-Дели, 110012 и Академия научных и промышленных исследований, Газиабад, Индия; e-mail: prasanna@niscpr.res.in, avniscpr@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. K. Varshney, Former Scientist, Department of Science and Technology, New Delhi, India.

N. K. Prasanna, Dr. Sci.(in Phil.), Scientist and Scientific Editor Indian Journal of Biochemistry and Biophysics, CSIR-National Institute of Science Communication and Policy Research New Delhi-110012 Academy of Scientific and Industrial Research, Ghaziabad, India; e-mail: prasanna@niscpr.res.in, avniscpr@gmail.com

Received / Поступила в редакцию 25.11.2024

Международное сотрудничество / International Cooperation

Оригинальная статья / Original article

[https://doi.org/ 10.31432/1994-2443-2024-19-4-29-40](https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-29-40)

Iran and Russia on the path to building a comprehensive, principled partnership

Vladimir I. Belov ✉, Daniyal M. Ranjbar

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
✉ vyou@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the main provisions of the Treaty on the Comprehensive Strategic Partnership between the Islamic Republic of Iran and the Russian Federation of 17 January 2025. The study examines the historical context, legal foundations, and strategic implications of the treaty, which marks a new era in bilateral relations. The agreement, signed by Presidents Vladimir Putin and Masoud Pezeshkian, outlines a 20-year framework for cooperation in various domains, including security, defense, economy, energy, and regional stability. The research methodology involves a qualitative analysis of treaty provisions and their alignment with previous agreements between the two nations, such as the 1921 Treaty between Persia and USSR and the 2001 Treaty on the Fundamentals of Relations. The study also incorporates geopolitical and economic evaluations to assess the treaty's potential impact. The results highlight that the treaty establishes a strong legal foundation for cooperation, enhancing military and technical collaboration, promoting trade and economic partnerships, and reinforcing mutual non-interference principles. A significant emphasis is placed on energy projects, including oil, gas, and nuclear initiatives, as well as the development of the International North–South Transport Corridor. Additionally, the agreement outlines cooperative mechanisms for countering unilateral sanctions and advancing multipolar international governance. The treaty signifies a strategic shift in Eurasian geopolitics, positioning Iran and Russia as key allies in regional security and economic integration. The findings suggest that this agreement will likely have long-term implications for international relations, particularly in Central Asia, the Middle East, and the broader Eurasia.

Key words: Iran, Russia, strategic partnership, economic and energy cooperation, foreign policy, Eurasia, the International North–South Transport Corridor

Funding. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502–2–000.

For citation: Belov V.I., Ranjbar D. M. Iran and Russia on the Path to Building a Comprehensive, Principled Partnership. *Information and Innovations*. 2024; 19(4):29–40. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-29-40>

Иран и Россия на пути построения всеобъемлющего стратегического партнерства

В. И. Белов ✉, М. Д. Ранджбар

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

✉ vyou@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией от 17 января 2025 г. В исследовании рассматриваются исторический контекст, правовые основы и стратегические последствия договора, который знаменует собой новую эру в двусторонних отношениях. Соглашение, подписанное президентами Владимиром Путиным и Масудом Пезешкианом, определяет 20-летние рамки сотрудничества в различных сферах, включая безопасность, оборону, экономику, энергетику и региональную стабильность. Методология исследования включает качественный анализ положений договора и их соответствие предыдущим соглашениям между двумя странами, таким как Договор между Персией и СССР 1921 года и Договор об основах взаимоотношений 2001 года. Исследование также включает геополитические и экономические оценки для определения потенциального влияния договора. Результаты показывают, что договор создает прочную правовую основу для сотрудничества, укрепляет военно-техническое взаимодействие, способствует развитию торгово-экономического партнерства и укрепляет принципы взаимного невмешательства. Значительное внимание уделяется энергетическим проектам, включая нефтяные, газовые и ядерные инициативы, а также развитию международного транспортного коридора Север-Юг. Кроме того, в соглашении прописаны механизмы сотрудничества для противодействия односторонним санкциям и развития многополярного международного управления. Договор знаменует собой стратегический сдвиг в евразийской геополитике, позиционируя Иран и Россию в качестве ключевых союзников в области региональной безопасности и экономической интеграции. Результаты исследования свидетельствуют о том, что данное соглашение, вероятно, будет иметь долгосрочные последствия для международных отношений, особенно в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Евразии.

Ключевые слова: Иран, Россия, стратегическое партнерство, экономическое и энергетическое сотрудничество, внешняя политика, Евразия, международный транспортный коридор «Север-Юг»

Финансирование. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Белов В. И., Ранджбар М. Д. Иран и Россия на пути построения всеобъемлющего стратегического партнерства. *Информация и инновации*. 2024;19(4):29-40. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-29-40>

INTRODUCTION

January 17, 2025 is a landmark date in the history of relations between Iran and Russia, when, following the talks between Russian President Vladimir Putin and Iranian President Masoud Pezeshkian, who was in Russia on an official visit, the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the two countries was signed. The High Contracting Parties emphasized that when signing the Treaty, they were guided by all previous agreements at the highest level between Russia (USSR) and Iran (Persia).

On January 17, 2025, the Islamic Republic of Iran and the Russian Federation opened a new era in their bilateral relations by concluding the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership. Russian President V. V. Putin and Iranian President M. Pezeshkian signed the Treaty in Moscow. The Treaty was concluded for 20 years with the possibility of automatic extension for subsequent five-year periods, contains 47 articles and is the basis for Russian-Iranian cooperation, primarily from the point of view of deepening the legal foundation of bilateral relations laid down in previously concluded agreements between the two countries. Thus, Moscow and Tehran declared their mutual interest in "bringing friendly interstate relations to a new level and giving them a comprehensive, long-term and strategic nature, as well as in strengthening their legal foundations" (Preamble of the Treaty)¹.

Diplomatic relations between the Russian Federation (Tsarist Russia, RSFSR, USSR, RF) and the Islamic Republic of Iran (Persia) have their roots in the distant past, but the modern legal basis for them are the agreements

enshrined in a number of fundamental agreements concluded in the early 20th — 21st centuries. As recorded in the Treaty — 2025 (Article 12), this is, first of all, the Treaty between the Russian Socialist Federative Soviet Republic and Persia of February 26, 1921² and the Treaty on Commerce and Navigation between the Union of Soviet Socialist Republics and Iran of March 25, 1940 and its annexes as the legal basis regulating activities in the Caspian.

On December 25, 1991, Iran recognized Russia as the successor state of the USSR. With the beginning of the formation of a new system of international and regional relations, Russia and Iran found themselves "in a different strategic environment: a new geopolitics emerged in Eurasia, opportunities opened up for pragmatic trade and economic cooperation, based on the consolidated position of national elites" [1, p.264]. However, as Iranian authors also noted, in the period 1991–2021, the parties failed to create long-term cooperation mechanisms and achieve the stated goals of institutionalization, and foreign trade turnover remained at a level of less than \$4 billion [2, p.1259].

The Russian Federation and the Islamic Republic of Iran entered the 21st century as "friendly states" that build relations between themselves "on the basis of sovereign equality, cooperation, mutual trust, respect for sovereignty, territorial integrity and independence, non-interference in each other's internal affairs", which was recorded in Article 1 of the Treaty on the Fundamentals of Relations and Principles of Cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran signed in Moscow on

¹ Comprehensive strategic partnership treaty between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran. Kremlin; January 17, 2025. (In Russ.). Available at <http://www.kremlin.ru/supplement/6258>

² The Soviet-Iranian Treaty of Friendship was signed in Moscow in 1921 and ratified in Tehran on February 26, 1922, and then registered with the League of Nations on June 7, 1922.

March 12, 2001³ by the presidents of the two countries (came into force on April 5, 2002). The 2001 Treaty was recognized as "the starting point for a new stage in Russian-Iranian relations" [3, p.27]. An important contribution to strengthening the legal framework of Russian-Iranian relations was also the adoption of the Declaration between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran on Enhancing the Role of International Law of June 16, 2020.

In the context of growing turbulence in the region, unprecedented unilateral sanctions and geopolitical pressure, the Russian Federation (RF, Russia) and the Islamic Republic of Iran (IRI, Iran) had to rethink the priorities and goals of developing their bilateral relations.

DISTINCTIVE FEATURES OF THE 2025 TREATY

What new does the Treaty bring to the definition of the nature and content of relations between the countries, what are its distinctive features? First, it is worth emphasizing that the Treaty defines relations between the two states as friendly, based on deep historical ties between the Russian and Iranian peoples, the closeness of their cultures and spiritual and moral values. It states the common interests and broad opportunities for cooperation. The Treaty as a whole is intended to promote peace and security at the regional and global levels, the formation of a new just and sustainable multipolar world order, as one of the common features of "Looking to East" policy of Iran and Russia

³ The Treaty on the Principles of Relations and Cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran dated March 12, 2001 (corresponding to 22 Esfand 1379 solar Hijra) included 21 articles and was concluded for 10 years with the possibility of extension for subsequent five-year periods. (in Russ.). Available at <https://docs.cntd.ru/document/901820401>

[4, p.280], based on the sovereign equality of states and good faith cooperation, mutual respect for interests, collective resolution of international problems, cultural and civilizational diversity, the rule of international law in accordance with the Charter of the United Nations, including the rejection of the threat or use of force, non-interference in the internal affairs and respect for the territorial integrity of both states.

The Treaty gives priority to issues of cooperation between the Parties in the field of security and defense (Articles 1 and 2). Thus, the Parties agreed to counteract interference by third parties in their internal and external affairs, to prevent the use of their territories for the purpose of supporting separatist movements and other actions that threaten stability and territorial integrity, as well as hostile actions against each other (Article 3). In this regard, the conclusion of separate agreements by intelligence and security services is provided for (Article 4).

Subsequent Articles (5 and 6) define the main activities in the field of military and military-technical cooperation, such as: the exchange of military and expert delegations, calls of warships and vessels at the ports of the Parties, training of military personnel, conducting joint military exercises, implementing joint maritime operations to provide assistance and rescue, as well as combating piracy and armed robbery at sea. All areas of interaction between the Parties are spelled out in detail, including cooperation with Interpol, in the area of combating international terrorism, transnational organized crime, illegal migration, and other challenges and threats (Article 7). It should be noted that the military-technical cooperation between Russia and Iran is based on

intergovernmental agreements signed in 1989–1991⁴.

The Parties cooperate with each other on a number of legal issues of ensuring the security of citizens of their countries (Article 8), as well as within the framework of international organizations, including the United Nations and its specialized agencies, on global and regional issues (Article 9). Key issues of cooperation in the international arena include, in particular: arms control, disarmament and non-proliferation (Article 10), international information security, counteracting the use of information and communication technologies for criminal purposes, support for the course towards internationalization of the management of the Internet information and telecommunications network, including through more active involvement of the International Telecommunication Union in resolving these issues, as well as the creation of a legally binding regime for the prevention and peaceful settlement of conflicts based on the principles of sovereign equality and non-interference in the internal affairs of states (Article 11).

Articles 12 and 13 define the main aspects of cooperation between Russia and Iran in the Caspian region, Central Asia, Transcaucasia and the Middle East in order to strengthen peace and security, prevent interference and destabilizing presence of third states in these regions. The Parties confirmed the exclusive competence of the Caspian states in resolving issues of security and economic development of their region. The Agreement also addresses issues of cooperation between the Parties on the platforms of international organizations, in particular the Shanghai Cooperation Organization, in the interests of strengthening its potential in the areas of politics, security, economics, culture

and humanitarian affairs, which will contribute to the expansion of trade and economic ties between the Eurasian Economic Union and the Islamic Republic of Iran (Article 14).

In matters of domestic policy, the Parties undertake to create favorable conditions for the development of cooperation between the legislative and executive authorities of the two states, as well as for the establishment of direct ties between Russian and Iranian regions, facilitating mutual familiarization with their economic and investment potential, including through business missions, conferences, exhibitions, fairs and other joint interregional events (Articles 15 and 16).

Trade and economic cooperation remains the most significant for bilateral relations, coordinated by a special body — the Permanent Russian-Iranian Commission on Trade and Economic Cooperation. The Treaty envisages the development of industrial cooperation, the creation of mutual economic advantages, including joint investments, including in the economies of third countries, financing of infrastructure, simplification of trade and business mechanisms, cooperation in the banking sector, promotion and mutual provision of goods, works, services, information and results of intellectual activity, including exclusive rights to them (Articles 17 and 18).

Significant foundations for successful trade and economic cooperation are also agreements in the transport sector — road, rail, air, sea and multimodal transportation, as well as the training of specialists. The Parties confirmed cooperation in the development of international transport corridors, in particular, the International North–South Transport Corridor (INSTC), as well as in the implementation of modern digital transport systems (Article 21). It should be noted that a new interpretation of the International

⁴ Cooperation with Iran. Rosoboronexport. Available at <https://roe.ru/export/iran/> (in Russ).

North–South Transport Corridor (INSTC) concept is becoming increasingly widespread, considered as a new type of integration association [5, p.20].

The Agreement does not ignore such a difficult topic for the Parties as coercive measures in international relations, and activates the provisions of the Declaration of the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran on the ways and means of countering, mitigating and compensating for the negative consequences of unilateral coercive measures dated December 5, 2023 (corresponding to 14 Azar 1402 solar Hijri).

The Parties guarantee non-application of unilateral coercive measures against each other, either directly or indirectly, refrain from supporting such measures by any third party if such measures affect or are directed directly or indirectly at one of the Contracting Parties, make practical efforts to reduce risks, eliminate or minimize the direct and indirect impact of such measures by a third party on mutual economic relations. The areas of non-application and joint overcoming of coercive measures are defined, in particular: individuals and legal entities of the Contracting Party or their property, goods, works, services, information, results of intellectual activity, including exclusive rights thereto, originating from one Contracting Party, intended for the other Contracting Party. Moreover, the Parties take steps to limit the dissemination of information that can be used by a third party to introduce and escalate coercive measures (Article 19). Experts noted in this regard that “the agreement will facilitate interaction in conditions of restrictions and support for each other in international forums, preventing hostile actions by third countries. The strategic partnership between Moscow and Tehran guarantees that they will not conclude separate

deals with the West that infringe on the interests of one of the parties” [6].

The following instruments are intended to promote the development of successful trade and economic cooperation: loans, joint support for mutual exports, investments, mutual capital investments between individuals, public and private companies, ensuring due protection of mutual investments, as well as the creation of a modern payment infrastructure independent of third countries, the transition to bilateral settlements in national currencies, strengthening direct interbank cooperation and the distribution of national financial products, a simplified customs corridor. Antimonopoly policy and mutual recognition of standards. It is also envisaged to support special/free economic zones on the territory of the Parties, the creation of industrial zones, including for the development of mutually beneficial cooperation in the gold mining, gold processing, diamond and jewelry industries (Articles 20, 25, 26 and 27).

Thus, conditions have been created for the elimination of the main barriers to the development of trade and economic cooperation: Russia and Iran being under external sanctions; an incomplete understanding of mutual opportunities, especially in the private sectors of the Russian Federation and Iran; strong bureaucracy and relative weakness of corporate structures; focus of companies and states on cooperation with Europe and the West (as a preferred choice); lack of systemic interaction between banking and insurance structures; lack of fundamental agreements to ensure financial and insurance activities; extremely low level of humanitarian ties; low level of tourist exchange [7, p.6,18,16,32].

The most important area of cooperation is energy. A project to build a gas pipeline from Russia to Iran is underway: “If we talk

about the volumes of possible supplies, we believe that we need to start with small volumes, up to 2 billion cubic meters, and in general this could reach volumes of gas supplies to Iran of 55 billion cubic meters per year", explained V. V. Putin. Moscow and Tehran are also discussing cooperation in the oil sector. As for Iran, the country has been in dire need of reliable and stable buyers of oil and gas for the past 30 years due to sanctions imposed by the West [8, p.396]; Russia is also solving similar problems in the 2020s.

The flagship joint project for the construction of two new units of the Bushehr NPP by Rosatom is also advancing. M. Pezeshkian figuratively expressed new opportunities for countries in the field of energy dialogue, emphasizing, "a person as an organism has certain capabilities. It is the vessels that supply the necessary energy to different parts of the body. And we need the same vessels as energy supply routes". As predicted, the conclusion of the Agreement will accelerate the resolution of issues in the field of logistics, customs, and energy.

Experts drew attention to the importance of international partnerships involving Iran and Russia, other BRICS countries, which can improve national economies and put them at the forefront of global innovative energy solutions [9, p.228]. The Agreement obliges the Parties to coordinate their activities in developing cooperation in a number of key areas: in the oil and gas sector (including the construction of nuclear power facilities), in agriculture (including fisheries, veterinary medicine, plant protection and quarantine, seed production), healthcare, medical education and science, in ensuring sanitary and epidemiological well-being and food safety, including through the harmonization of hygienic requirements and standards (Articles 22, 23, 24, 28 and 29). The Parties agreed to implement joint projects in the field of high-

er education, science, technology, innovation, develop direct partnerships between interested scientific and educational organizations of higher education, conduct joint research and events.

In general, the Agreement concluded on January 17 gives grounds to believe that a basis has been created for expanding bilateral ties in such important areas as energy, medicine, biotechnology, space, aircraft and automobile manufacturing, metallurgy, chemistry, new materials, laser technologies, telecommunications, IT technologies, instrument making, shipbuilding, transport; agriculture, forestry and fisheries, construction, ecology, banking, tourism.

The Russian-Iranian summit in Moscow and the conclusion of the Agreement were given priority coverage and commentary in the Russian mass media. After the signing of the Agreement, a press conference of the presidents of Iran and Russia held in the Kremlin.

At the press conference, Russian President V. V. Putin noted that the Agreement covers all areas of bilateral cooperation and is truly fundamental for the implementation of a comprehensive partnership in relations between Russia and Iran. V. V. Putin assessed the new Russian-Iranian Treaty as a truly breakthrough document aimed at "creating the necessary conditions for the stable and sustainable development of Russia and Iran, our entire common Eurasian region". The Russian President used the address "dear friends" to the members of the Iranian delegation [10]. According to the Russian President, the volume of trade between our countries "does not meet our capabilities", and the new realities associated with the launch of large-scale transport and civilizational international initiatives of China and Russia in Eurasia, especially the International North-South Transport Corridor (INSTC), re-

quire coordination through industry ministries⁵.

The top leadership of the Islamic Republic of Iran emphasized the strategic importance of developing comprehensive relations with the Russian Federation, in particular, on the eve of the visit to Moscow, during the meeting of President M. Pezeshkian and Supreme Leader of Iran A. Khamenei. In implementing the decisions taken, M. Pezeshkian emphasized that the entire spectrum of Iranian-Russian relations was discussed during the talks with V. V. Putin. The parties came to the conclusion that "we need to continue working in this positive spirit and manner both bilaterally and regionally and in the international arena. Today's major agreement that was signed will open a new big chapter in our relations, especially in the trade and economic relations between Iran and Russia", which will become a solid foundation for further movement forward.

The leaders of the countries discussed significant grounds for strategic cooperation, including the active participation of Iran and Russia in new regional structures such as the SCO and BRICS, Iran's participation as an observer in the events of the Eurasian Economic Union; joint approaches and views of Iran and Russia in the fight against terrorism and extremism, a unipolar world; support for cooperation in the South Caucasus, Syria, the Middle East, and Afghanistan.

Clearly, this treaty can be start for the change in the regional stability. As Iranian expert mentioned "Signing the CSPT by determining a framework for sustainable synergy can contribute to the interests of Iran and Russia as two like-minded countries that both play a major role in Central Asia, the Caspian Sea region, the South Caucasus, the Levant, and the Middle East" [11].

⁵ News program "Vesti". TV channel "Russia 1". 19.01.2025. (In Russ.).

The busy news agenda in the Russian media in connection with the visit of President M. Pezeshkian and the signing of the Comprehensive Strategic Partnership Agreement testified to the high level of interest of Russian society in Iran and this event. The news channels emphasized that the new Russian-Iranian agreement covers almost all areas of cooperation between the two countries — from economics, energy, defense to culture, art, education and healthcare, which allows giving a powerful impetus to the development of bilateral relations between Russia and Iran⁶.

It is noteworthy that Russian commentators emphasize the long-term nature of the concluded Agreement, the readiness of the parties to begin a new stage in bilateral relations and use their joint potential to develop new market segments in order to minimize the effects of sanctions pressure and expand cooperation in the interests of the peoples of the two countries⁷. The rapprochement between Russia and Iran, commentators note, began in the early 2020s. Russian President V. V. Putin has repeatedly emphasized the parties' desire to develop relations in many areas and their focus on strategic partnership: "Relations between Russia and Iran are friendly and good-neighborly. The countries effectively coordinate their efforts on pressing issues⁸".

Supreme Leader of the Islamic Republic of Iran Imam Ali Khamenei, sharing this approach, pointed to the synergy effect that

⁶ Analytical program "Main with Olga Belova". TV channel "Zvezda", 19.01.2025. (In Russ.).

⁷ Putin told how relations between Russia and Iran are developing. Ria News. 05.06.2024. (In Russ.). Available at <https://ria.ru/20240605/putin-1950813789.html?ysclid=lyekk7d2m1867012728>

⁸ Putin called the relations between Russia and Iran friendly and good-neighborly. Regnum. July 6.2024. (In Russ.). Available at <https://regnum.ru/news/3900156?ysclid=lyektrxz8v564632280>

arises from the interaction between Iran and Russia. The leadership of the Islamic Republic of Iran emphasized the importance of developing sustainable, comprehensive, permanent and strategic relations with friendly Russia "in all areas that are beneficial to our countries and peoples"⁹, including cooperation in the spheres of economics, politics, culture, science and technology, aviation and space, in the defense and military fields, on security issues and in countering terrorism, including in Syria [1, p.265].

CONCLUSION

Ensuring security and creating an atmosphere of trust and constructive dialogue in the Caspian region and in the Persian Gulf area and more broadly in Southwest Asia is one of the priorities of the foreign policy of Russia and Iran, a significant goal of their regional cooperation. Given the huge reserves of hydrocarbon resources concentrated in these sub regions, their strategic position as connecting centers of Eurasia, the processes taking place there affect the state of international relations, as well as global economic, energy and transport stability. The strategic goal is a stable and conflict-free region, open to broad international cooperation and mutually beneficial comprehensive economic cooperation.

In the international arena, Iran, which is under sanctions pressure, in the 2020s is building strategic partnership relations in various configurations with Russia, China, India and Pakistan, with neighboring countries, Syria, Egypt and Turkey. Iran's accession to the SCO, BRICS¹⁰ and the activities of the EAEU, with its increased participation in the

Economic Cooperation Organization (ECO), appears to have completed the formation of Iran's Asian outline of strategic partnership. Thus, we can talk about geoeconomic, geopolitical and civilizational foundations for the emerging Iranian-Russian strategic partnership as a system-forming factor in regional integration in Central Eurasia.

The Russian Federation and the Islamic Republic of Iran are expanding the grounds for developing a strategic partnership between the countries, including at the regional level. For Russia and Iran, the main challenge is the promotion of large-scale initiatives in Southwest Asia, generally understood as the "Silk Road" ("Belt and Road", "New Silk Road", Greater Eurasian Partnership, where the core infrastructure project is the International North-South Transport Corridor) [12]. This is a new challenge of a new vision of the priorities for arranging the emerging space of development, security and integration in the region.

It is natural that the emerging alliance between Iran and Russia in Southwest Asia is seeking support, first of all, in geo-economics project foundations (energy security, the International North-South Transport Corridor, the Belt and Road) and can be deployed in any direction. One of the important areas of cooperation between Iran and Russia could be the development of a common policy towards Afghanistan, aimed at involving this country in large-scale regional trade and economic cooperation. From a geopolitical point of view, Moscow and Tehran occupy the axial space in Eurasia, forming a middle zone of geopolitical influence and uniting the potential of the leading Eurasian civilizations.

According to Russian experts, the Treaty emphasized the greatness of Iran as a civilization and a special culture embodied in the state under the rule of the Imam. "We must

⁹ Meeting with the President of the Islamic Republic of Iran Seyed Ebrahim Raisi. Kremlin. January 19.2022. (In Russ.). Available at <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67608>

¹⁰ On January 1, 2024, a number of new countries joined the BRICS group, including the Islamic Republic of Iran.

remember that Russia and Iran are two countries-civilizations that have much more in common than it seems at first glance" [13, p.18]. Iran and Russia, India and China — four ancient civilizations of Eurasia — form a promising framework for the Eurasian strategic partnership as a module of new global cooperation.

Russia and Iran as countries — civilizations have common interests, conditioned by deep historical ties between the Iranian and Russian peoples, closeness of cultures and spiritual and moral values, desire to pro-

mote the formation of a "new fair and sustainable multipolar world order" (Preamble of the Treaty).

By concluding the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership, Russia and Iran have demonstrated their readiness for Eurasian economic integration, which is increasingly becoming the leading geostrategic project aimed at ensuring the technological, financial and intellectual sovereignty of all participants in this essentially global process of establishing a new economic system and comprehensive security on Earth.

ВКЛАД АВТОРОВ

В. И. Белов — концепция, анализ информации, подготовка и редактирование текста.

М. Д. Ранджбар — концепция, сбор и анализ информации, подготовка текста.

Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Vladimir I. Belov — the concept, analysis of information, preparation and editing of the text.

Daniyal M. Ranjbar — the concept, collection and analysis of information, preparation of the text.

All the authors approved the final version of the article.

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no relevant conflict of interests.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

1. Belov V. I. Russia and Iran on the way to strategic partnership. *Scientific proceedings of the free economic society of Russia*. 2024;248(4):263–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197.2072–2060–2024–248–4–263–277>
2. Karami J. Iran-Russia relations: new opportunities and existing problems. *Quaestio Rossica*. 2022;10(4):1258–1273. <https://doi.org/10.15826/qv.2022.4.727>
3. Druzhilovsky S. B. Russian-Iranian relations after the establishment of the Islamic Republic of Iran. E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin. (Eds.), Russian-Iranian relations. Problems and prospects. Moscow: IV RAS, Center for Strategic Conjuncture, 2015. pp. 25–35.
4. Safari A. Othering in the "Looking to the East" policy of Islamic the Republic of Iran and the Russian Federation. *Journal of Central Eurasia Studies*. 2024;17(1):255–281. (In Persian). <https://www.doi.org/10.22059/jcep.2024.371854.450196>

5. Belov V. I., Nekrasova M. A. International transport corridors in the Caspian region: security and sustainable development. *Information and Innovations*. 2022;17(3):17–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2022-17-3-17-28>
6. Sergey Balmasov. Agreement signed: what will give Russia and Iran a strategic partnership. Tass. 17.01.2025. (In Russ.). Available at <https://tass.ru/opinions/22906065>
7. Belobrov Yu. Ya., Volodin A. G., Kozyrev N. I., Lankin E. V., Sazhin V. I., Yurtaev V. I. New Agenda of Russian-Iranian Relations. Yu. Ya. Belobrov, I. S. Ivanov. (Eds.), Contemporary Russian-Iranian Relations: challenges and opportunities: Workbook. Moscow: Russian Council on Foreign Affairs, 2014. pp. 72.
8. Lunev S., Belov V. The prospects of an India-Iran partnership: implications for Russia. In Torkunov, A., Streltsov, D., Koldunova, E. (Eds.), The “Asian Turn” in Russian foreign policy. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. pp. 383–404. https://doi.org/10.1007/978-981-97-5392-5_16
9. Sadeghi S. Iranian perspective on BRICS and developments in the international system: approach analysis of Iranian scientific-research articles in the field of international relations. *Studies of countries*. 2024;2(2):221–248. (In Persian). <https://doi.org/10.22059/jcountst.2024.369490.1086>
10. Gerikhanova A. Russia and Iran concluded the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership. RGRU. 19.01.2025. (In Russ.). Available at <https://rg.ru/2025/01/19/vse-vkliucheno.html>
11. Noori A. The main drivers and aims of the Iran-Russia comprehensive strategic partnership treaty. Valdai; 2025. Available at <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-main-drivers-and-aims-of-iran-russia-comprehen/>
12. Kolesnikov A. The leaders extended vessels to each other. What the presidents of Russia and Iran wanted to say, and what they said. Kommersant. 17.01.2025. (In Russ.). Available at <https://www.kommersant.ru/doc/7442790>
13. Chernitsyn F. V. Russian-Iranian cooperation in a changing world. Proceedings of the International Conference “Russian-Iranian Cooperation in a Changing World”. Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS countries). 2024;16–23.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Belov, Doctor of Sciences (in History and International Relations), Professor of the Department of Oriental and African Studies, RUDN University, Moscow, Russian Federation, yurtaev-vi@pfur.ru, ORCID ID: 0000-0001-6112-5550

Daniyal M. Ranjbar, PhD of historical sciences, Assistant Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation, daniealranjbar@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-1619-3383

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, yurtaev-vi@pfur.ru, ORCID ID: 0000-0001-6112-5550

Ранджбар Мешкин Даниал, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, daniealranjbar@gmail.com
ORCID ID: 0000–0002–1619–3383

Received / Поступила в редакцию 20.01.2025

Международное сотрудничество / International Cooperation

Original article / оригинальная статья

[https://doi.org/ 10.31432/1994-2443-2024-19-4-41-52](https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-41-52)

Российско-кувейтские отношения: приоритеты и особенности

Зинчук М. Г., Савичева Е. М. ✉

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

✉ savicheva@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются российско-кувейтские отношения в контексте изменений приоритетов во внешнеполитическом курсе России, характеризующихся так называемым «разворотом на Восток». Авторы анализируют приоритеты и особенности взаимодействия России с Кувейтом с учетом современных реалий, а также раскрывают историю становления двусторонних контактов и динамику их развития в последние годы. В статье выявляются особенности торгово-экономических, энергетических и военно-политических связей между государствами.

Ключевые слова: Россия, Кувейт, Ближний Восток, двусторонние отношения, внешняя политика, экономика, энергетика, торговля, приоритеты

Финансирование. Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Зинчук М. Г., Савичева Е. М. Российско-кувейтские отношения: приоритеты и особенности. *Информация и инновации*. 2024;19(4):41-52. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-41-52>

Russian-Kuwaiti relations: priorities and features

Maksim G. Zinchuk, Elena M. Savicheva ✉

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation*
✉ savicheva@mail.ru

Abstract. The article examines Russian-Kuwaiti relations in the context of changing priorities in Russia's foreign policy, characterized by the so-called "turn to the East". The authors analyze the priorities and features of Russia's interaction with Kuwait, taking into account modern realities. They also reveal the history of bilateral contacts and the dynamics of their development in the recent years. They examine trade, economic, energy and political contacts between the states.

Keywords. Russia, Kuwait, Middle East, bilateral relations, foreign policy, economy, energy, trade, priorities

Funding. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502–2–000.

For citation: Zinchuk M. G., Savicheva E. M. Russian-Kuwaiti relations: priorities and features. *Information and Innovations*. 2024; 19(4):41–52. <https://doi.org/10.31432/1994–2443–2024–19–4–41–52>

Введение

На протяжении многих лет Россия работает над развитием и укреплением многосторонних связей со странами Ближнего Востока, включая субрегион Персидского залива, что особенно актуализировалось в связи с ухудшением отношений со странами Запада и так называемым «разворотом на Восток»¹. Наблюдается явная тенденция расширения контактов Москвы с «аравийской шестеркой», т. е. странами — членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые основываются на общих интересах и взаимном уважении [1; 2; 3]. Принятый в 2023 г. «Совместный план действий по стратегическому диалогу Россия — ССАГПЗ на период с 2023 по 2028 годы»² свидетельствовал о «важности поощрения контактов между людьми во имя общих интересов, усилий по поддержанию безопасности, мира, процветания и глобальной стабильности»³.

На этом позитивном геополитическом фоне особой активностью за последние годы отмечены двусторонние отношения Москвы с КСА и ОАЭ, приносящие всем участникам существенные стратегические и экономические выгоды. Возможно, Кувейт уступает своим арабским соседям по масштабам и темпам развития сотрудничества с Россией, однако у российско-кувейтского диалога есть свои особенности и преимущества. Оба государства связывают давние дружеские отношения.

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (31.03.2023 г.) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.11.2024).

² Совместное заявление по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия — ССАГПЗ. 12.07.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1896567/ (дата обращения: 16.11.2024).

³ Там же.

Именно Кувейт в свое время стал для Москвы своего рода «воротами» в очень важный в стратегическом отношении регион Персидского залива. Кроме того, Кувейт — одна из ведущих стран-экспортеров нефти, входящая в ОПЕК [4]. В этом контексте, поскольку Россия является участником ОПЕК+, у обоих государств имеются общие интересы, связанные с вопросами определения объемов добычи и экспорта нефти и в целом с экспортной политикой на мировом нефтяном рынке.

В целом, российско-кувейтские отношения характеризуются поступательным развитием, несмотря на геополитическую турбулентность на международной арене. Вместе с тем, двустороннее сотрудничество характеризуется сочетанием перспективных возможностей и объективных ограничений; оно обусловлено необходимостью диверсификации экономических связей и поиска новых направлений взаимодействия, помимо традиционной энергетической сферы. С одной стороны, партнеры заинтересованы в расширении сотрудничества в сферах энергетики, инвестиций (включая инфраструктурные проекты), военно-технического взаимодействия и гуманитарного обмена. Кувейт, обладающий значительными финансовыми ресурсами, видит в России потенциального партнера для диверсификации инвестиционного портфеля. Россия, в свою очередь, заинтересована в кувейтских инвестициях и увеличении экспорта на кувейтский рынок.

С другой стороны, на динамику отношений влияют геополитическая нестабильность на Ближнем Востоке, колебания цен на нефть, а также порою несовпадения в подходах к разрешению конфликтов в регионе. Санкционное давление на Россию западных стран также выступает фактором, ограничивающим

возможности для полномасштабного экономического сотрудничества. Кроме того, различия в политических системах и ориентациях могут создавать определенные препятствия для развития доверительно-го диалога.

История становления отношений между Россией и Кувейтом

Российско-кувейтские отношения были закреплены на дипломатическом уровне в марте 1963 г. Кувейт первым из ближневосточных стран признал независимость России после распада СССР, подписав двустороннее соглашение в сфере экономического и культурного сотрудничества и предоставив Российской Федерации кредит в 1 млрд дол. США. Также Кувейт в числе первых достиг соглашения по военному сотрудничеству с Россией (1993 г.), которое включало в себя проведение совместных военных учений на море, а также в 1994 г. — договора о поставке российской стороной военной техники.

Однако процесс сближения двух стран протекал не всегда гладко, имели место длительные перерывы и отсутствие контактов, бывали моменты взаимного недопонимания [5]. В середине 1990-х гг. диалог был заморожен на непродолжительный срок. Однако с начала 2000-х гг. двусторонние отношения были возобновлены. В частности, министр иностранных дел России посетил с официальным визитом КСА и Кувейт, в ходе которого арабские страны признали, что чеченская война являлась внутренним делом Российской Федерации и осудили любое международное вмешательство в этот конфликт. Россия и Кувейт возобновили связи на парламентском уровне, а с 2008 г. стал работать Российско-кувейтский деловой со-

вет, деятельность которого в значительной степени способствовала развитию торгово-экономического и технологического сотрудничества между странами, взаимодействию в сфере инвестиций, энергетики [6]. Не остались в стороне и военно-политические связи, в частности, посетивший Москву в августе 2002 г. министр обороны Кувейта Джабер Аль-Сабах подтвердил необходимость в современных российских военных технологиях с целью стабилизации сферы безопасности своего государства.

Новый этап развития российско-кувейтских отношений

Двусторонние связи набирали силу, что подкреплялось дипломатией на высшем и высоком уровнях. В мае 2010 г. в Москву прибыл заместитель премьер-министра Кувейта шейх М. Сабах ас-Сабах для переговоров с министром иностранных дел России С. В. Лавровым, нацеленных на укрепление политического взаимодействия и двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Эти переговоры подготовили визит кувейтского эмира в Россию в 2015 г., а также стали отправной точкой развития совместных инвестиционных проектов⁴.

В период 2010–2015 гг. отношения между двумя странами развивались как бы неспешно, однако не переставали носить дружественный характер, о чем, в частности, свидетельствовал обмен поздравительными телеграммами в 2013 г. по случаю 50-летия российско-кувейтских отношений [7]. Дружественный настрой в двусторонних отношениях побудил эмира Кувейта Сабаха

⁴ Касаев Э. О. Кувейт ждет российских инвесторов // Институт Ближнего Востока. 19.05.2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10682> (дата обращения: 18.11.2024).

аль-Ахмеда аль-Джабера ас-Сабаха осуществить официальный визит в Россию в 2015 г. Поскольку террористическая угроза представляла для Кувейта экзистенциальное значение (запрещенная в РФ группировка ИГИЛ контролировала на тот момент значительные территории в соседнем Ираке), особое внимание на переговорах 2015 г. уделялось событиям на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии и Ираке, в контексте борьбы с международным терроризмом. Был подписан меморандум о взаимопонимании между Рособоронэкспортом и министерством обороны Государства Кувейт с целью развития военно-технического сотрудничества. Также было достигнуто торгово-экономическое соглашение между Газпромом и Кувейтской нефтяной корпорацией по поставкам нефти и газа. В сфере инвестиций стороны договорились о создании инвестиционной платформы для финансирования общих проектов, подписав соглашение между Российским инвестиционным фондом и Кувейтской инвестиционной компанией⁵. В кувейтских средствах массовой информации этот визит оценивался как весьма плодотворный обмен мнениями, нацеленный на лучшее понимание позиций двух сторон, касающихся региональных проблем.

Таким образом, 2015 год стал поворотным в российско-кувейтских отношениях и послужил импульсом к дальнейшему плодотворному сотрудничеству между странами [8]. Такая тенденция нашла подтверждение в ходе визита министра иностранных дел России С. В. Лаврова

⁵ Встреча с Эмиром Кувейта Сабахом Аль-Ахмедом Ас-Сабахом // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/50652> (дата обращения: 27.11.2024).

в Кувейт, который отмечал успешное выполнение поставленных в 2015 г. задач. Так, в 2016 г. товарооборот между странами вырос на 14%, а за первые месяцы 2017 г. — на 43%, что свидетельствовало о положительной динамике развития торгово-экономических связей. Также было подчеркнуто, что позиции российской и кувейтской сторон совпадают по актуальным ближневосточным проблемам, касающимся Сирии, Ливии, Йемена и Катара — оба государства были настроены на мирное урегулирование очагов конфликта в этих странах.

В конце мая 2022 г. в МИД России была проведена официальная церемония по случаю завершения миссии посла Кувейта Абдул-Азиза аль-Адвани, в которой принял участие специальный представитель Президента России на Ближнем Востоке и в Северной Африке М. Богданов⁶. Абдул-Азиза аль-Адвани наградили Орденом Дружбы за его вклад в укрепление кувейтско-российских отношений. В ходе встречи была подтверждена решимость в развитии и укреплении традиционных и дружественных двусторонних отношений в различных областях в дальнейшем⁷.

В октябре 2022 г. состоялся VI саммит Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), участником которого является Российская Федерация. В ходе форума обсуждался вопрос предоставления Кувейту статуса государства

⁶ الكويت مع العلاقات تطوير مواصلة عازمون: روسيا. 05.29.2023.

[Россия: мы нацелены на продолжение развития отношений с Кувейтом. 29.05.2023. (на араб. яз.)] URL: <https://www.aljarida.com/articles/1653845170395381400> (дата обращения: 12.01.2025).

⁷ Russia determined to boost relations with Kuwait. 29.05.2022. URL: <https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=3040372&language=en#> (дата обращения: 03.11.2024).

члена международного объединения. Присоединение Кувейта к этой важной дискуссионной площадке позволило более тесно координировать российско-кувейтские взаимоотношения на различных уровнях⁸.

2023 год стал очередной важной вехой в двусторонних отношениях. В марте 2023 г. стороны отметили 60-летие установления дипломатических отношений. Российский и кувейтский министры иностранных дел С. Лавров и Шейх Салем аль-Абдулла аль-Джабер аль-Сабах обменялись поздравительными телеграммами, в которых подчеркнули, что отношения между странами носят дружественный характер, однако сторонам необходимо и дальше продолжать развивать сотрудничество в различных сферах. В телеграммах также содержался тезис о необходимости соблюдения принципов международного права и их стремлении к восстановлению безопасности и стабильности в регионе Ближнего Востока⁹.

В марте 2023 г. прошла встреча между председателем Государственной Думы Российской Федерации В. Володиным и министром иностранных дел Кувейта Салемом аль-Абдуллой аль-Джабером ас-Сабахом, на которой стороны обсудили перспективы двустороннего взаимодействия и пути решения региональных проблем в Ближневосточном регионе, а также подвели итоги сотрудничества в торгово-экономической и инвестицион-

ной сферах. Страны подтвердили статус дружественных двусторонних отношений и выразили стремление к еще большему сближению сторон¹⁰.

Визиты на высоком уровне продолжились. Так, в ноябре того же года министр иностранных дел Кувейта прибыл в Россию для проведения переговоров с С. В. Лавровым. Стороны обсудили пути достижения общих позиций по ближневосточной тематике, в частности, акцентировали внимание на палестино-израильском конфликте, выразив обеспокоенность по поводу эскалации конфликта в секторе Газа. В ходе переговоров также была подчеркнута необходимость завершения демаркации морской границы между Государством Кувейт и Ираном. Была затронута и сирийская проблематика, в том числе, необходимость разрешения кризиса в Сирии и поддержка возвращения Дамаска в Лигу Арабских Государств. Обе стороны подтвердили свою общую приверженность укреплению стабильности и безопасности на Ближнем Востоке. Министры также затронули кризис на Украине и его последствия на региональном и международном уровнях. Подводя итоги двустороннего сотрудничества, С. В. Лавров отметил рост туристической активности, поскольку в начале 2023 г. был открыт прямой рейс из Москвы в Кувейт и была упрощена процедура выдачи виз (внедрение электронных виз) кувейтским туристам,

⁸ Астанинские заявления, присоединение Кувейта — Астана приняла VI саммит СВМДА. 13.10.2022. URL: <https://media.inform.kz/ru/photo/3550> (дата обращения: 27.11.2024).

⁹ Kuwait, Russia celebrates diplomatic ties' 60th anniversary. 12.03.2023. URL: <https://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=3084247&Language=en> (дата обращения: 27.01.2024).

الموقع. 22.04.2021. روسيا بين العلاقة آفاق ما استثماري و اقتصادي تعاون 10

[Отношения в сфере экономики и инвестиций. Какие перспективы отношений между Россией и Кувейтом? 22.04.2021. (на араб. яз.)] URL: <https://alkhaleejonline.net/والكويت؟-روسيا-بين-العلاقة-آفاق-ما-واستثماري-اقتصادي-تعاون/سياسة>

приезжающим в Россию¹¹. В завершении мероприятия стороны выразили полную готовность к дальнейшему укреплению отношений во всех областях¹².

В декабре 2023 г. Президент России В. В. Путин на церемонии вручения верительных грамот новыми послами иностранных государств в Российской Федерации дал оценку российско-кувейтским отношениям. Глава государства отметил, что они развиваются продуктивно, особенно в сфере инвестиций и торгово-экономического сотрудничества; они имеют хорошие перспективы, так как у сторон имеются общие интересы и схожие позиции в отношении большого числа актуальных вопросов региональной и международной повестки дня¹³. В. В. Путин особо подчеркнул, что Российская Федерация продолжит и в дальнейшем координировать позиции с кувейтской стороной в сфере энергетики.

Помимо российско-кувейтского взаимодействия в рамках ОПЕК и ОПЕК+, в августе 2023 г. кувейтская сторона заявила о своем желании участвовать еще в одном многостороннем формате — БРИКС. Вступление в этот формат, во многом связан с пониманием руководством Кувейта того факта, что экономическая сфера

сильно зависима от доллара и надо найти механизмы для минимизации этой зависимости¹⁴.

В том же 2023 г. Россия вошла в список 15-ти самых крупных торговых партнеров Кувейта в сфере металлургии и сельского хозяйства. Объемом торгово-экономических связей пока что нельзя похвастаться, однако налицо заметная динамика и наличие солидного потенциала в российско-кувейтских экономических отношениях¹⁵. Так, в третьем квартале 2024 г. российский экспорт в Кувейт вырос почти в 4 раза по сравнению со вторым кварталом, достигнув 5,53 млн кувейтских динаров (1,6 млрд рублей). Россия вошла в число лидеров по темпам роста поставок продукции в Кувейт, заняв 14-е место. В июле 2024 г. Россия и Кувейт договорились о поставках рыбы, молока и меда. Около 80 российских компаний и судов получили разрешение на экспорт и были включены в кувейтский Реестр экспортеров¹⁶.

Двусторонний товарооборот оценивается в \$1,5 млрд. Кувейт экспортирует электротехническую продукцию, а Россия — железо, зерновые и шоколад. Отмечается рост спроса в Кувейте на российские зерновые культуры, включая пшени-

¹¹ Unified e-visa for trip to Russia starts Aug 1. 31.07.2023. URL: <https://www.arabtimesonline.com/news/unified-e-visa-for-trip-to-russia-starts-aug-1/> (дата обращения: 28.11.2024).

¹² Kuwait's Foreign Minister holds official discussions with his Russian counterpart. 04.11.2023. URL: <https://www.arabtimesonline.com/news/kuwait's-foreign-minister-holds-official-discussions-with-his-russian-counterpart/> (дата обращения: 08.11.2024).

¹³ Путин заявил, что отношения РФ и Кувейта развиваются в конструктивном ключе. 04.12.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19452179> (дата обращения: 26.11.2024).

¹⁴ Лидеры 23 стран официально выразили желание вступить в БРИКС. 07.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230807/briks-1888714969.html> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁵ Российский экспорт в Кувейт подскочил почти в четыре раза. 23.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240123/eksport-1922873097.html> (дата обращения 26.09.2024).

¹⁶ Россия будет продавать в Кувейт рыбу, мед и молоко // Новый день, 2024. — URL: <https://newdaynews.ru/economy/832182.html> (дата обращения 02.12.2024).

цу и ячмень¹⁷. К 2030 г. экспорт зерна из РФ может вырасти более чем на 1 млрд долларов.

Отметим и то, что Кувейт пошел на добровольное сокращение добычи нефти на 135 тыс. б/с в 1-м квартале 2024 г., что сыграло на руку российской стороне, находившейся в жесточайших условиях западных санкций. На инициативу сокращения добычи нефти также откликнулись такие ближневосточные страны, как Саудовская Аравия, Алжир, Оман, ОАЭ¹⁸.

В апреле 2024 г. вступило в силу соглашение между Россией и Кувейтом о военно-техническом сотрудничестве. Стороны договорились о поставках вооружения и военной техники, обеспечении эксплуатации, ремонте и модернизации продукции военного назначения, оказании услуг в этой области¹⁹.

Россия и Кувейт работают над совместной реализацией десятков инвестиционных проектов. Разработкой занимаются Российский фонд прямых инвестиций и Кувейтское инвестиционное агентство. Российские компании заинтересованы в реализации кувейтских инфраструктурных проектов, а также проектов в сфере недвижимости. Кувейтские инвесторы изучают возможности в растущем техно-

логическом секторе России, включая **финансовые технологии**, технологии здравоохранения и электронную коммерцию. Кувейтскому бизнесу также интересны возможности участия в российских нефтегазовых проектах, включая проекты по разведке и разработке месторождений [9].

Также стороны работают над введением безвизового режима для облегчения торговых операций и развития туризма. В 2025 г. в Кувейте пройдут «Русские сезоны», включающие различные культурные мероприятия.

Позиция Кувейта по российско-украинскому конфликту

В разрешении российско-украинского конфликта арабские страны в целом придерживаются нейтральной позиции и избегают поддерживать какую-либо из сторон [10]. После начала Специальной военной операции в феврале 2022 г. кувейтская сторона подчеркивала важность уважения независимости и суверенитета Украины и выступала против применения силы в отношениях между конфликтующими странами. Возможно, эти события ассоциировались с горьким историческим опытом, который пережил Кувейт в 1990 г. в связи с вторжением Ирака на его территорию. Очевидно, что государство старается придерживаться нейтралитета²⁰.

Показательно, что во время ряда официальных визитов Президента США Дж. Байдена в страны Ближнего Востока (июль 2022 г.) с целью оказания давления на страны региона присоединиться к антироссийским санкциям, американской стороне не удалось достичь поставлен-

¹⁷ Эксперт назвал Кувейт перспективным рынком для российского зерна // Национальное аграрное агентство, 2024. URL: <https://rosng.ru/post/ekspert-nazval-kuveyt-perspektivnym-rynkom-dlya-rossiyskogo-zerna> (дата обращения 02.2.2024).

¹⁸ Кувейт добровольно сократит добычу нефти в I кв. 2024 года еще на 135 тыс. б/с. 30.11.23. URL: <https://www.interfax.ru/business/934152> (дата обращения 16.10.2024).

¹⁹ Вступило в силу соглашение России и Кувейта о военно-техническом сотрудничестве // INTERFAX / Москва, 2024. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/954045> (дата обращения 16.10.2024).

²⁰ Kristian Coates Ulrichsen. The GCC and the Russia-Ukraine Crisis // Arab Center Washington DC. 03.22.2022. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-gcc-and-the-russia-ukraine-crisis/> (дата обращения 16.10.2024).

ных целей. Страны региона, включая Кувейт, отказались от выдвинутой Байденом инициативы присоединения к западным санкциям против России, осознавая, что такая позиция негативно повлияет на экономическую сферу самих этих стран, ухудшит стремительно развивающиеся в последние годы отношения с российской стороной и как итог сыграет только на руку США и западным странам.

Сотрудничество Кувейта и России имеет прочный фундамент, опирающийся на взаимовыгодные экономические интересы и политический диалог. С момента установления дипломатических отношений в 1963 г. между странами не возникало каких-либо серьезных разногласий и конфликтов, поэтому российско-кувейтский диалог с уверенностью можно назвать исторически дружественным. Очевидно, что между сторонами имеется ряд противоречий, например, одно из таких — несовпадение позиций по иранской ядерной программе, однако Российская Федерация уже более десятка лет старается придерживаться политики баланса в регионе Персидского залива и стремится наладить дружественные отношения со всеми без исключения ближневосточными странами [11].

Заключение

В перспективе стратегическое партнерство между Россией и Кувейтом может получить дополнительный импульс в следующих ключевых направлениях.

Прежде всего, это — энергетическое сотрудничество, которое останется приоритетным, включая координацию действий в рамках ОПЕК+, а также совместные инвестиции в нефтегазовые проекты. Далее, диверсификация экономических связей представляется актуальной, что предполагает увеличение товарооборота за счет несырьевого экспорта, развитие сотрудничества в сферах высоких технологий, сельского хозяйства и инфраструктуры.

Большое значение имеют также контакты в сфере финансов и инвестиций. В Кувейте предусмотрен ряд привилегий иностранным инвестициям: лояльная налоговая политика, заключающаяся в отсутствии двойного налогообложения, освобождение от уплаты налоговых пошлин и подоходного налога, выделение земли и объектов недвижимости для целей инвестирования, возможность задействовать иностранную рабочую силу в соответствии с законами и подзаконными актами Кувейта и многое другое

Развитие культурных и образовательных обменов, туризма также будет способствовать укреплению взаимопонимания и доверия между двумя странами. Россия становится популярным туристическим направлением у граждан Кувейта; туристический поток за последние несколько лет вырос практически в 10 раз. Таким образом, перспективы двустороннего сотрудничества весьма обширны.

ВКЛАД АВТОРОВ

Зинчук М. Г. — сбор данных, подготовка редактирование текста.

Савичева Е. М. — концепция, редактирование текста.

Все авторы одобрили окончательную версию статьи.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Maksim G. Zinchuk — the concept, preparation and editing of the text.

Elena M. Savicheva — the concept, preparation and editing of the text.

All the authors approved the final version of the article.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интереса.

CONFLICT OF INTERESTS.

The authors declare no relevant conflict of interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Григорян С. С. Тенденции развития Ближнего Востока в исторической ретроспективе. *Хроноэкономика*. 2021;(5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-blizhnego-vostoka-v-istoricheskoy-retrospektive>. EDN: OZPPOL.
Grigorian S. S. Trends in the development of the middle east in historical retrospect. *Chronoeconomics*. 2021;(5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-blizhnego-vostoka-v-istoricheskoy-retrospektive>. EDN: OZPPOL.
2. Сурков Н. Ю. Россия и аравийские монархии: поиск общих интересов и перспективы сотрудничества. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022;(1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-araviyskie-monarhii-poisk-obschih-interesov-i-perspektivy-sotrudnichestva>. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-81-90>. EDN: NOQLSN.
Surkov N. Yu. Russia and the Gulf monarchies: quest for common interests and prospects for cooperation. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022;6(1):81–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-81-90>
3. Трубецвев К. М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. Отв. ред. В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с.
Truevtzev K. Globalization and the Arab World. Before and After the Two Waves of Turbulence. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020, 370 p. ISBN 978-5-907384-00-2.
4. Исаев В., Филоник А. Кувейт: контуры экономических перемен (опыт развития в условиях перехода от избытка к относительному дефициту капиталов) М., 2003, 256 стр. ISBN 5-89394-082-2.
Isaev V., Filonik A. Kuwait: contours of economic change (development experience in conditions of transition from excess to relative scarcity of capital) M., 2003, 256 p. ISBN 5-89394-082-2.
5. Родригес-Фернандес А. М. Экономический и социально-политический кризис в аравийских монархиях (1980-е гг.). *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022;13(2):97–110. EDN: IVWCKF. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2022-13-2-97-110>.
Rodrigues-Fernandes A. M. Economical, social, and political crisis in Arabian monarchies (1980's). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022;13(2): 97–110. (In Rus.). <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2022-13-2-97-110>
6. Ахмадуллин В. В. Парламентаризм государства Кувейт. *Власть*. 2024;32(4–1):145–150. URL: EDN: AWPJFV. <https://doi.org/10.56700/x5932-3414-7846-a>

- Akhmadullin V. V. Parliamentarism of the State of Kuwait. *Vlast' (The Authority)*. 2024;32(4–1):145–150. (In Russ.). <https://doi.org/https://doi.org/10.56700/x5932-3414-7846-a>
7. Мелкумян Е. С. История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX — начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения, 2016. 430 с. ISBN: 978–5–89282–675–4.
Melkumyan E. S. History of the Arab States of Arabian Peninsula (Bahrain, Qatar, Kuwait, the United Arab Emirates, and Oman) in the 20 th cent. and in the Beginning of the 21 st cent. IOS RAS, 2016. 430 с. ISBN: 978–5–89282–675–4.
 8. Родин С. И. Внешняя торговля Кувейта и сотрудничество с Россией. *Asia: States in Global Instability. Yearbook*, 2021. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=680842>.
Rodin S. I. Kuwait's foreign trade and cooperation with Russia. *Asia: States in Global Instability. Yearbook*, 2021. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=680842>
 9. Аль-Яфаи А. С. Отношения России с Объединенными Арабскими Эмиратами и Кувейтом в торгово-экономической сфере». *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024;14(7). EDN: VTULTS. <https://doi.org/10.35775/PSI.2024.112.7.036>
Al-Yafai A. S. Russia's Relations with the United Arab Emirates and Kuwait in the Trade and Economic Sphere. *Issues of National and Federative Relations*. 2024;14(7). (In Russ.). <https://doi.org/10.35775/PSI.2024.112.7.036>
 10. Zhongmin Liu and Meng Shu. The Russia-Ukraine conflict and the changing geopolitical landscape in the Middle East. *Journal Article*. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10239536>.
 11. Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. Под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича [и др.]. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 319 с. ISBN 978-5-209-10463-6. EDN VWQVXJ.
The Balance of Power in Key Regions of the World: Conceptualization and Applied Analysis] / edited by D. A. Degterev. Moscow: RUDN University, 2021. 319 с. ISBN 978-5-209-10463-6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинчук Максим Григорьевич, аспирант кафедры Востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, улица Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Российская Федерация; ORCID ID: 0000–0001–8617–3508; e-mail: senior.20112012@yandex.ru

Савичева Елена Михайловна, к.и.н., доцент кафедры востоковедения и африканистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, улица Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Российская Федерация; ORCID ID: 0000–0001–8617–3508; savicheva-em@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksim G. Zinchuk, postgraduate student of the Department of Oriental and African Studies, RUDN University, specialty History of international relations and foreign policy; e-mail: senior.20112012@yandex.ru

Elena M. Savicheva, PhD in History, Associate Professor of the Department of Oriental and African Studies, RUDN University; ORCID ID: 0000–0001–8617–3508; e-mail: savicheva@mail.ru

Received / Поступила в редакцию 05.12.2024

Информационные процессы / Information processes

Original article / Оригинальная статья

УДК 026.06

<https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-53-66>

Размещение информации об электронных ресурсах на сайте библиотеки как инструмент их продвижения

О. В. Гребенникова ✉

Государственная публичная научно-техническая библиотека России (ГПНТБ России)

ул. 3-я Хорошевская, д.17, г. Москва, 123298, Российская Федерация

✉ gr.olga.vladimit@bk.ru

Аннотация. В работе рассматривается проблема информирования пользователей библиотеки об электронных ресурсах через сайт. В связи с расширением электронной подписки Государственной публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ России) насущной задачей является модернизация раздела сайта «Электронные ресурсы удаленного доступа». Предварительно был изучен опыт российских библиотек по размещению на своих сайтах информации об электронных ресурсах. Выполнен анализ основных технических и дизайнерских приемов организации раздела сайта, посвященного электронным ресурсам, важных для восприятия информации. Приведены примеры сайтов, где разделы организованы на основе базы данных ресурсов или статических HTML — страниц. Разобраны преимущества и недостатки каждого способа с точки зрения конечного пользователя. Представлена сравнительная характеристика разделов электронных ресурсов сайтов библиотек. Сделан вывод о необходимости создания базы данных ресурсов в составе раздела сайта «Электронные ресурсы удаленного доступа» для повышения информированности пользователей, функциональности раздела и, как результат, эффективности использования ресурсов.

Ключевые слова: электронные ресурсы, электронная подписка, сайт библиотеки, продвижение электронных ресурсов, национальная подписка, имидж библиотеки, сайт ГПНТБ России

Финансирование. Финансирование отсутствовало

Для цитирования: Гребенникова О. В. Размещение информации об электронных ресурсах на сайте библиотеки как инструмент их продвижения. *Информация и инновации*. 2024;19(4):53–66. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-53-66>

© Гребенникова О. В., 2024

Posting information about electronic resources on the library website as a tool for their promotion

Olga V. Grebennikova ✉

Russian National Public Library for Science and Technology (RNPLS&T)

17, 3rd Khoroshevskaya st., Moscow, 123298, Russian Federation

✉ gr.olga.vladimit@bk.ru

Abstract. The paper considers the problem of informing library users about electronic resources via the website. In connection with the expansion of the electronic subscription of the Russian National Public Library for Science and Technology, an urgent task is to modernize the section of the website "Electronic Resources of Remote Access". The experience of Russian libraries in posting information about electronic resources on their websites was preliminarily studied. The analysis of the main technical and design techniques for organizing a section of the website dedicated to electronic resources that are important for perceiving information was performed. Examples of websites are given where sections are organized on the basis of a resource database or static HTML pages. The advantages and disadvantages of each method from the end user's point of view are analyzed. A comparative description of the sections of electronic resources of library websites is presented. A conclusion is made about the need to create a resource database as part of the section of the website "Electronic Resources of Remote Access" to improve user awareness, the functionality of the section and, as a result, the efficiency of resource use.

Key words: electronic resources, electronic subscription, library website, promotion of electronic resources, national subscription, library image, website of the Russian National Public Library for Science and Technology

Funding. No funding

For citation: Grebennikova O. V. Posting information about electronic resources on the library website as a tool for their promotion. *Information and Innovations*. 2024; 19(4):53–66. <https://doi.org/10.31432/1994–2443–2024–19–4–53–66>

Введение

В библиотечной среде наблюдается неуклонное увеличение доли электронных изданий в составе библиотечно-информационного фонда и, как следствие, в информационном обслуживании читателей. В связи с этим всё большее внимание уделяется вопросам повышения эффективности использования электронных ресурсов (ЭР), среди которых одним из главных является информирование читателей на сайте библиотеки об имеющихся ресурсах, их составе и тематической направленности, а также возможностях доступа.

Несмотря на активное развитие соцсетей, веб-сайт остается главным представителем библиотеки в сети. Например, в ходе изучения отношения молодежи к библиотечному пространству выявлено, что 38% опрошенных предпочитают самостоятельное получение информации через сайт библиотеки¹. Важности грамотной организации сайта библиотеки в целом, необходимости его регулярной актуализации, модернизации и оптимизации его структуры как фактора, определяющего удобство использования информационных продуктов и услуг библиотеки и формирования ее имиджа посвящены многие работы^{2, 3} [1–4]. В рабо-

тах отмечается также отсутствие целостной концепции создания и структурирования контента библиотечных сайтов, что приводит к ошибкам и погрешностям, снижающим качество сайтов и трудностям в их использовании [1, 2]. Конкретно о содержании и дизайне разделов сайтов, посвященных ЭР, написано немного. Специалисты компании EBSCO провели исследование библиотечных разделов сайтов российских и зарубежных научных и образовательных организаций. По их мнению, одной из главных причин неиспользования ЭР читателями является недостаточная осведомленность пользователей о наличии определенного ЭР в библиотеке. В качестве сложностей, с которыми сталкиваются пользователи при работе с информацией об ЭР, эксперты указывают: некачественно структурированные сайты библиотек; нерабочие ссылки, логины и пароли; неинформативное или неверное описание ресурсов; электронные ресурсы «спрятаны от глаз пользователя»; избыток библиотечной терминологии [5].

Электронные ресурсы ГПНТБ России

ГПНТБ России — крупнейшая научно-техническая библиотека страны, существенная часть информационного фонда которой представлена электронными изданиями.

Преимущества использования электронных изданий очевидны:

— к большинству ресурсов предоставляется удаленный доступ (тогда как печатные книги «на дом» не выдаются);

ного учреждения. Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества библиотеки: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 18–19 ноября 2021 года. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2021. 219 с. – ISBN 978-5-94839-798-6. EDN XLMBXI.

¹ Васильева О. А. Библиотечное пространство глазами поколения Z. МАРКЕТИНГ 360°. Комплексное продвижение библиотеки: Сборник статей I Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 12 апреля 2022 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. С. 25–37. EDN JGSXER.

² Кулева О. В. Формирование информационной структуры сайта библиотеки как эффективного инструмента взаимодействия в веб-среде: специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Новосибирск, 2007. 280 с. EDN NOTAKN.

³ Фролова А. С., Балашова Е. В., Курникова Т. А. Влияние качества информационных онлайн-услуг и продуктов на имидж библиотеч-

— имеется возможность безлимитного использования изданий (т. е. повышается экзemplярность изданий);

— предлагается разнообразие типов контента (текст, аудио-, видеофайлы, изображения и др.).

Несмотря на то, что некоторые зарубежные издатели (Elsevier, Clarivate Analytics, Talor&Francis и др.) отказались работать с российскими организациями в 2022–2023 гг., электронная подписка ГПНТБ России расширилась за счет новых ресурсов в рамках централизованной (национальной) подписки, оператором которой является Российский центр научной информации (РЦНИ), а также самостоятельной покупки у поставщиков. ЭР характеризуются видовым разнообразием (полнотекстовые, библиографические, фактографические базы данных), разнообразием контента (книги, журналы, материалы конференций и др.), глубиной и способами доступа. В дополнение к под-

писным ресурсам библиотека сформировала обширный список авторитетных ресурсов открытого доступа. В результате с февраля 2022 года до мая 2023 года количество представленных на сайте ресурсов увеличилось с 102 до 154: зарубежных лицензионных с 42 до 53 (39 — по централизованной (национальной) подписке), отечественных лицензионных с 7 до 22 (6 — по централизованной (национальной) подписке, 16 — в рамках собственных лицензионных соглашений), открытого доступа с 52 до 79 (Рис. 1).

Для размещения информации о доступных читателям ЭР на сайте ГПНТБ России создан специальный раздел «Электронные ресурсы удаленного доступа» <https://www.gpntb.ru/elektronnyye-resursy-udalennogo-dostupa.html>.

Из-за значительного объема информации в разделе ресурсы сгруппированы в списки: «Ресурсы в тестовом доступе», «Ресурсы открытого доступа», Лицензи-

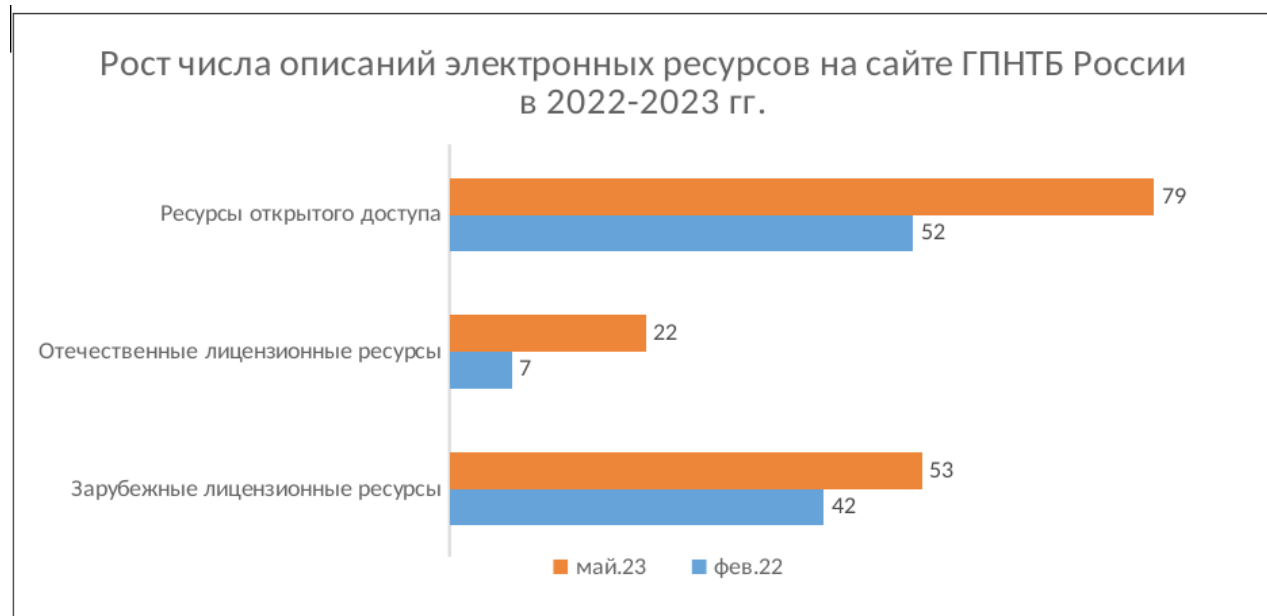

Рис. 1. Рост числа описаний электронных ресурсов на сайте ГПНТБ России в 2022–2023 гг.

Fig. 1. Growth in the number of descriptions of electronic resources on the website of the State Public Scientific and Technical Library of Russia in 2022–2023

онные ресурсы (отдельно зарубежные и на русском языке). На страницах размещены списки доступных ресурсов в алфавитном порядке с основными элементами описания: название коллекции (является прямой ссылкой на сайт ресурса), описание с указанием издателя, видов изданий и тематики. Для лицензионных ресурсов указаны также: глубина доступа, описание условий доступа для читателей ГПНТБ России, указание на доступность в рамках централизованной (национальной) подписки, приводятся дополнительные сведения (ссылки на списки доступных изданий, руководства пользователей и др.). На страницах «Ресурсы в тестовом доступе» (<https://www.gpntb.ru/elektronnye-resursy-udalennogo-dostupa/27-14/11/41/2777-testirovanie-resursov.html>) и «Лицензионные ресурсы на русском языке» (<https://www.gpntb.ru/elektronnye-resursy-udalennogo-dostupa/27-14/11/41/7244-itsenzionnye-resursy.html>) в описании ресурсов присутствует логотип как элемент визуализации.

В разделе также представлены ссылки на календари вебинаров по работе с ресурсами и архив видеозаписей вебинаров о работе с ЭР. При этом раздел — не единственная «точка контакта» читателя с ЭР: ссылки на ЭР имеются в сводном электронном каталоге библиотеки, на главной странице сайта из слайд-шоу, в личном кабинете читателя, на странице объявлений для читателей, в соцсетях библиотеки.

Раздел представляет собой главный информационный портал для получения всей необходимой информации об ЭР и получения доступа к ним и является, по сути, особым электронным информационным ресурсом библиотеки, дизайн и функциональность которого важны не только для эффективного использования

ЭР, а также для имиджа библиотеки в целом (Рис. 2).

Такой порядок размещения затрудняет для читателя поиск и восприятие информации о ресурсах, т. к. не все знакомы с понятиями «тестовый доступ», «лицензионные ресурсы», непросто определиться с выбором нужного раздела. Поэтому требуется более продуманная система подачи информации о ресурсах на сайте библиотеки. Особенно на странице зарубежных ресурсов (<https://www.gpntb.ru/elektronnye-resursy-udalennogo-dostupa/27-14/11/41/1873-1023.html>) — более 70 описаний (Рис. 3).

В зависимости от выбора порядка размещения информации в разделе сайта и технологий, применяемых для создания единого информационного массива электронных ресурсов, раздел будет выглядеть и работать по-разному. Примером того, как выбор заголовка описания конкретного ресурса может сильно повлиять на его использование может послужить описание базы данных (БД) Academic Reference (платформа CNKI (China National Knowledge Infrastructure)). Это относительно новый ресурс (меньше года в электронной подписке), и не все пользователи знают правильное название этой БД, но «в народе» её называют CNKI. Поэтому размещение её описания в начале алфавитного списка не помогло в поиске, а запутало читателя. Другой пример — коллекция Adis Journals, размещенная на платформе Springer Link. При выборе названия коллекции в качестве заголовка мы были вынуждены, соблюдая принятый алфавитный порядок, разместить эту коллекцию в начале списка, тогда как ссылка переносит читателя на Springer Link. Потребовалась дополнительная инструкция по работе с этой коллекцией.

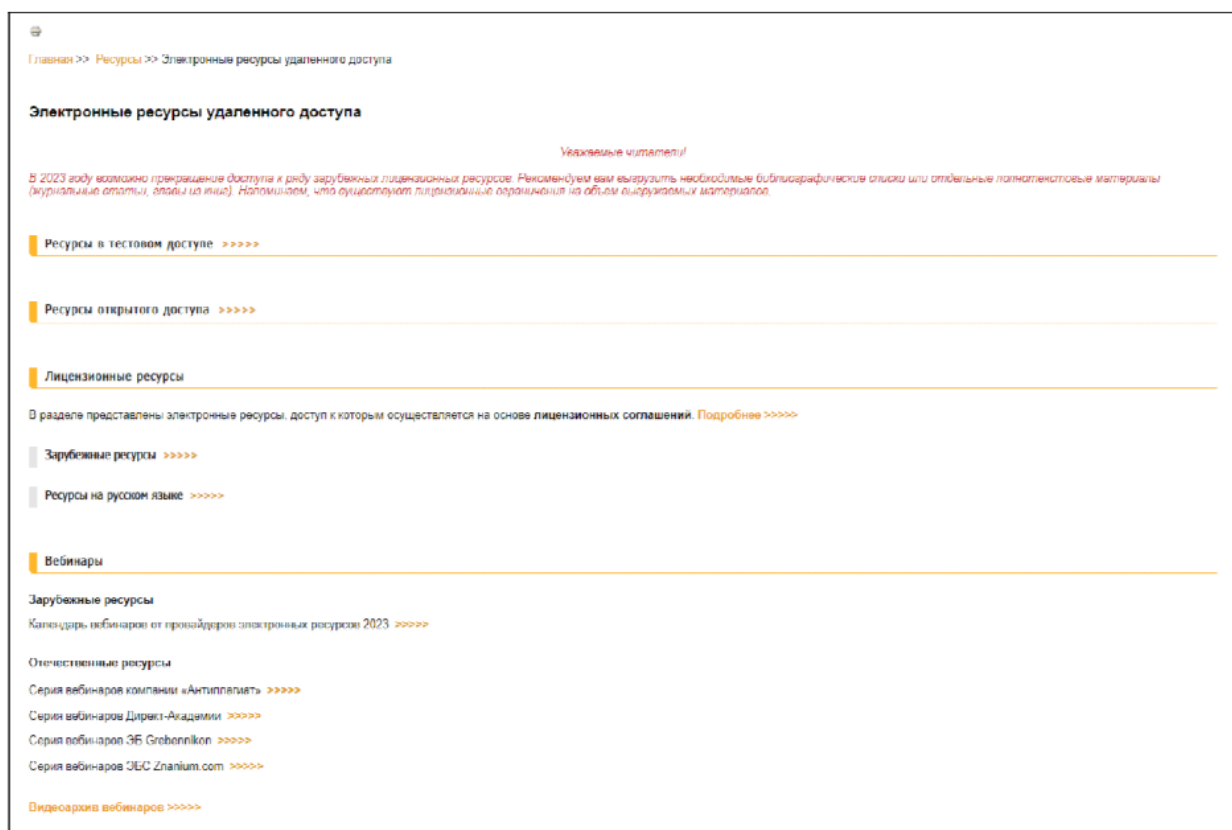

Рис. 2. Раздел сайта ГПНТБ России «Электронные ресурсы удаленного доступа»

Источник: изображение взято с сайта ГПНТБ России (<https://www.gpntb.ru>)

Fig. 2. Section “Electronic resources of remote access” of the website of the Russian National Public Library for Science and Technology

Source: Images are taken from the websites of the Russian National Public Library for Science and Technology (<https://www.gpntb.ru>)

Информация о ресурсах быстро меняется и требует постоянной актуализации. Кроме появления большого количества новых ресурсов (ЭБС BOOK.ru, TNT-eBOOK, Университетская библиотека онлайн, зарубежные базы данных BMJ, Bentham, Begell, Ovid и др.), за последние 1,5 года изменились названия некоторых привычных ресурсов: ЭБС IPRbooks пережила ребрендинг и стала называться Цифровым образовательным ресурсом (ЦОР) IPR SMART, а Электронная библиотека диссертаций РГБ — просто Электронной библиотекой РГБ, т. к. изменился её состав. Не только библиотекари, но и провайдеры

ресурсов заинтересованы в своевременном обновлении информации на сайтах библиотек, но не все из них оповещают об изменениях на своих платформах, поэтому требуется их постоянный мониторинг со стороны библиотеки.

Сравнительный анализ сайтов российских библиотек

Анализ существующей структуры раздела сайта ГПНТБ России «Электронные ресурсы удаленного доступа» привел нас к выводу о необходимости его модернизации с целью размещения информации более компактно и наглядно, улучшения

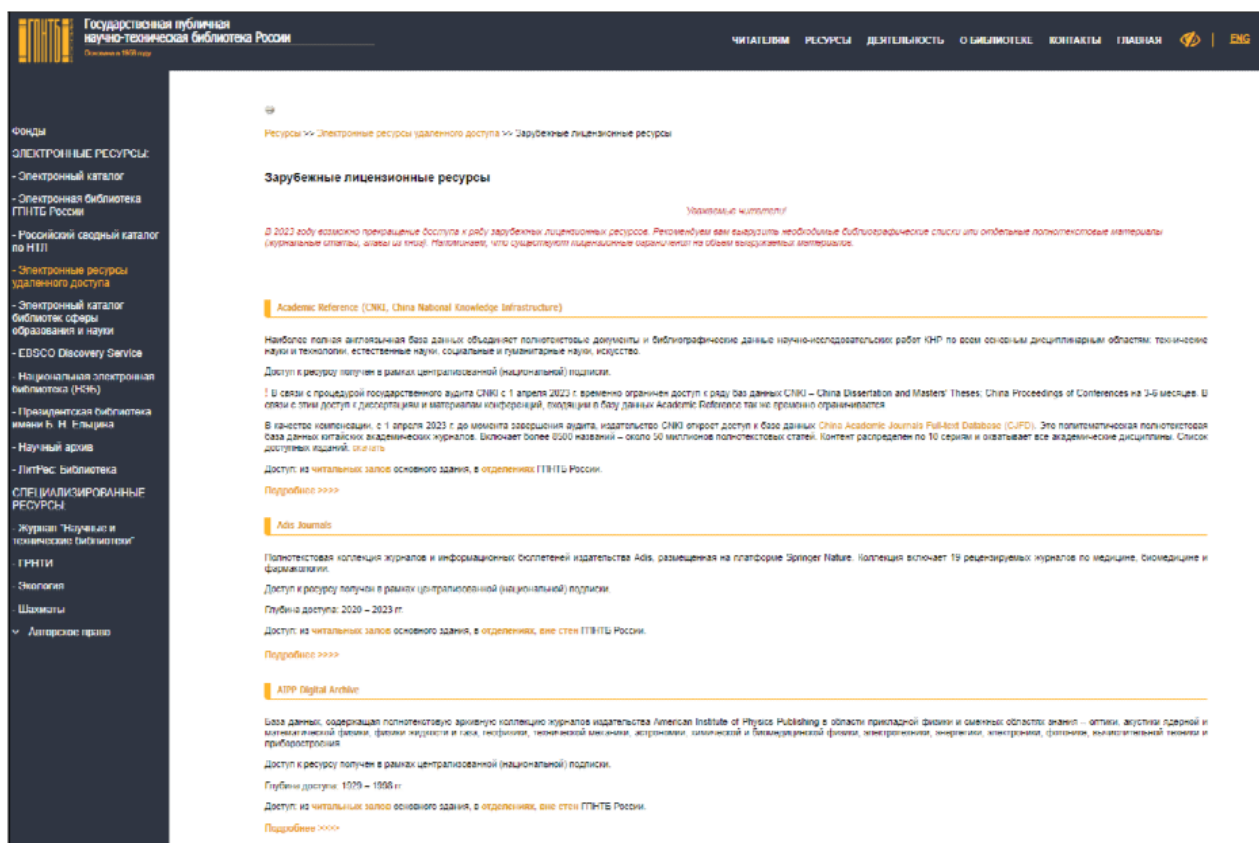

Рис. 3. Страница сайта ГПНТБ России «Зарубежные лицензионные ресурсы»
 Источник: изображение взято с сайта ГПНТБ России (<https://www.gpntb.ru>)

Fig. 3. The page "Foreign Licensed Resources" of the website of the Russian National Public Library for Science and Technology
 Source: Images are taken from the websites of the Russian National Public Library for Science and Technology (<https://www.gpntb.ru>)

навигации по разделу. Предварительно были изучены аналогичные разделы сайтов библиотек ведущих российских университетов, сайтов РГБ и ГПНТБ России, имеющих обширную электронную подписку и предлагающие различные подходы к организации этих разделов. Результаты анализа сведены в таблицу (Прил. 1).

При изучении сайтов были отмечены следующие особенности размещения информации об ЭР:

- наличие поиска по ЭР (названию, издателю, языку и т. д.);
- группировка ресурсов (по тематике, видам ресурса (полнотекстовые, ре-

феративные, фактографические и т. п.), типам документов (книги, журналы, патенты и т. п.) и др.;

- наличие общего списка ЭР (размещение описаний всех доступных ЭР на одной странице сайта);
- наличие алфавитного порядка ресурсов в списке;
- краткие/полные описания в списке;
- название отдельных блоков и их содержание (содержат информацию об отдельной коллекции, о платформе с набором доступных коллекций или об издателе);

- порядок размещения полного описания (на основной странице, отдельной или во всплывающем окне);

- наличие логотипа ЭР (в полном описании или на кнопке);

- место размещения и вид прямой ссылки на ЭР (отдельная строка или «вшита» в название ресурса/в логотип);

- наличие каталога А — Z;

- наличие фильтров/возможность уточнить поиск;

- наличие ссылок быстрого перехода;

- наличие указания на доступ по национальной подписке.

Самым оптимальным по параметрам компактность/наглядность/функциональность нам показался сайт «Удаленные сетевые ресурсы» РГБ <https://search.rsl.ru/ru/networkresources/index>, где информация подается в табличной форме, есть возможность поиска, полные описания раскрываются во всплывающих окнах по клику на значок «Информация», есть фильтрация по тематике, условиям доступа, типу ресурса, языку и др. (Рис. 4).

Образцом наиболее компактной формы представления информации служит сайт Электронные ресурсы Научной библиотеки СПбГУ <http://cufts.library.spbu.ru/CRDB/SPBGU/> (Рис. 5).

Здесь есть поиск ресурсов по названию, описанию, предмету, ссылки быстрого перехода на ресурсы открытого, тестового доступа и русские ресурсы, общий список раскрывается по ссылке «Все», есть каталог А-Z. Однако наглядностью такая страница не отличается. Приведенные примеры представляют собой полноценные базы данных электронных ресурсов, что определяет их высокую функциональность и интерактивность. При этом логотипы ресурсов в описаниях отсутствуют, выгрузка результатов поиска невозможна.

Примером размещения информации об ЭР, сочетающим наглядность с функциональностью, можно назвать сайт библиотеки Высшей школы экономики (Рис. 6). Здесь мы видим общий список ресурсов с логотипами и полными описаниями, есть возможность поиска (EDS) и сортировки. В полных описаниях ресурсов приводятся все коллекции данного издателя в подписке университета. При этом большим недостатком является отсутствие алфавитного порядка размещения описаний в списке, что отчасти компенсируется ссылкой на поисковое окно Publication Finder (EBSCO). Список ресурсов на этой странице нельзя назвать компактным.

На сайтах разных библиотек нами были отмечены следующие приемы размещения информации, затрудняющие доступ к ресурсам:

- излишняя группировка ресурсов (РГПУ, ГПНТБ России);

- много переходов до страницы с описанием ресурса (МГЛУ, ФУ, РГПУ);

- отсутствие поиска и фильтрации (СГМУ, МГЛУ, ФУ, РГПУ, ГПНТБ России);

- разный подход к описанию одинаковых коллекций на разных сайтах: используется разное наименование и логотип, разные ссылки (издателя, платформы, отдельной коллекции).

Большое разнообразие решений касается перехода на платформу ресурса:

- по клику на название ресурса (ГПНТБ России, РГБ, СФУ, ВШЭ);

- отдельная кнопка с адресом ресурса (СФУ, ФУ);

- кнопка для входа (СПбГУ, ГПНТБ России (в личном кабинете), МГЛУ);

- отдельная строка с ссылкой на сайт ресурса в описании (СГМУ, РГПУ).

Некоторые библиотеки, в том числе ГПНТБ России, пытаются облегчить пользователям поиск, делая подборки ресур-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

рус
eng

NEW Поступления А-Я Алфавитный указатель Иллюстр. каталог СУР Справка

Поиск статей, книг, журналов и других документов

Расширенный поиск

Поиск по всей совокупности сетевых удаленных ресурсов (журналов, книг, газет и других, а также их частей: статей, глав, разделов) можно вести с помощью сервиса EBSCO Discovery Service (EDS) из поискового окна вверху страницы или перейти по ссылке от названия сервиса ниже.

Для поиска только на уровне изданий (журналов, книг, газет и других) можно использовать сервис EBSCO Publication Finder.

Поиск в EBSCO Discovery Service

Поиск в Publications Finder

Особенности поиска вне РГБ

Вы можете также воспользоваться специализированным сервисом поиска научной литературы Google Scholar – Академия Google.

Кроме того, библиотека периодически предоставляет тестовые доступы к различным российским и зарубежным базам данных.

Лицензионные ресурсы Ресурсы в свободном доступе

Название ресурса	Издатель	Доступ	Тип ресурса
AbreNoor	Computer Research Center of Islamic Sciences	В РГБ	мультимедиа, полнотекстовый
Academic Search Ultimate	EBSCO Publishing	В РГБ и удаленно	полнотекстовый
AIP (American Institute of Physics) Ebooks	American Institute of Physics	В РГБ	полнотекстовый
AIP (American Institute of Physics) Journals	American Institute of Physics	В РГБ	полнотекстовый
American Bibliography of Slavic, East European, and Eurasian Studies (ABSEES)	EBSCO Publishing	В РГБ и удаленно	реферативно-библиографический
American Chemical Society Web Editions	American Chemical Society	В РГБ и удаленно	полнотекстовый
AMS (American Mathematical Society)	American Mathematical Society	В РГБ и удаленно	полнотекстовый
Annual Reviews	Annual Reviews	В РГБ и удаленно	полнотекстовый
Art & Architecture Source	EBSCO Publishing	В РГБ и удаленно	полнотекстовый, мультимедиа, реферативно-библиографический
Artstor Digital Library	ITHAKA	В РГБ и удаленно	мультимедиа, реферативно-библиографический
Begell Biomedical Research Collection	Begell House	В РГБ	полнотекстовый
Begell Engineering Research Collection	Begell House	В РГБ	полнотекстовый
Bentham Science Books	Bentham Science Publishers	В РГБ	полнотекстовый

Тематика

Медицина. Здравоохранение
История. Исторические науки
Универсальная тематика
Социальные и гуманитарные науки
Экономика. Экономические науки
Биологические науки
Медиакоммуникации и журналистика

Доступ

В РГБ
В РГБ и удаленно

Тип ресурса

реферативно-библиографический
библиометрический
данные
полнотекстовый
мультимедиа

Язык

Английский
Русский
Французский
Немецкий

Рис. 4. Сайт «Удаленные сетевые ресурсы» РГБ

Источник: изображение взято с сайта РГБ (<https://www.rsl.ru>)

Fig. 4. Website "Remote Network Resources" of the Russian State Library (RSL)

Source: Images are taken from the websites of the Russian State Library (RSL) (<https://www.rsl.ru>)

сов, группируя их по разным признакам (рис. 2), что не всегда достигает цели, так как ставит читателя перед сложным выбором нужного раздела.

Спорна роль логотипа как элемента визуализации. Не все библиотеки использу-

ют его в описании ресурса на сайте. Для опытных пользователей он облегчает навигацию по списку ресурсов, т. к. служит хорошим маркером при поиске способом скроллинга страницы. При наличии же поисковой строки и фильтров становит-

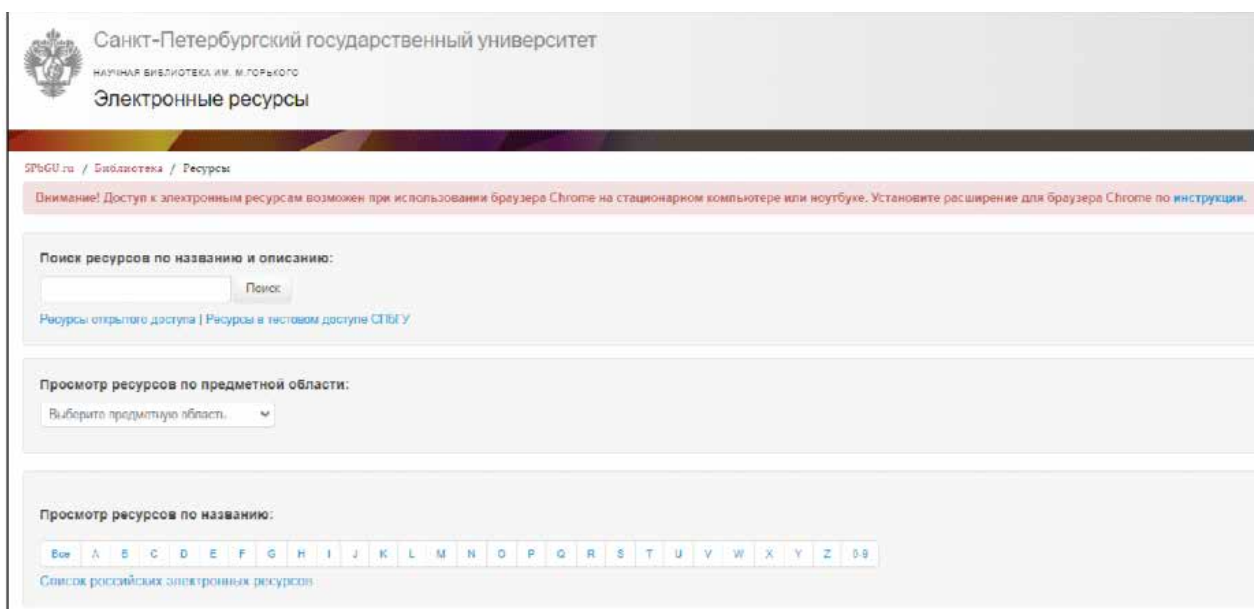

Рис. 5. Сайт «Электронные ресурсы» Научной библиотеки СПбГУ имени М. Горького
 Источник: изображение взято с сайта Научной библиотеки СПбГУ имени М. Горького(<http://cufts.library.spbu.ru/CRDB/SPBGU/>)

Fig. 5. Website "Electronic Resources" of the M. Gorky Scientific Library of SPbU
 Source: Images are taken from the websites of the M. Gorky Scientific Library of SPbU (<http://cufts.library.spbu.ru/CRDB/SPBGU/>)

ся необязательным элементом декора на странице, занимает много места и не всегда гармонирует с общим дизайном сайта. Кроме того, на некоторых сайтах логотип не обновляется или модифицируется до неузнаваемости, что дезориентирует пользователей.

Заключение

Способ размещения информации об электронных ресурсах на сайте библиотеки является залогом их эффективного использования. Большинство библиотек аккумулируют информацию об ЭР в специальных разделах своих сайтов. Однако единой методики разработки контента разделов ЭР не существует, что вызывает сильное разнообразие в приемах описаний и размещения информации об одинаковых ресурсах на сайтах разных библиотек, что затрудняет ее восприятие поль-

зователями. Для информации в разделе ЭР характерны большой объем и быстрая изменчивость, что требует значительных усилий от библиотекарей по её актуализации. Требуется достижение оптимального соотношения компактность/наглядность/функциональность при размещении информации об электронных ресурсах на сайте библиотеки для улучшения информирования читателей и, как результат, повышения использования ЭР. Форма представления информации в виде HTML-страницы больше подходит для стабильного и немногочисленного контента, чего не скажешь о перечне большого количества ЭР. Современным и наиболее технологичным решением проблемы предоставления информации об ЭР является создание базы данных с возможностью поиска, фильтрации и выгрузки результатов поиска.

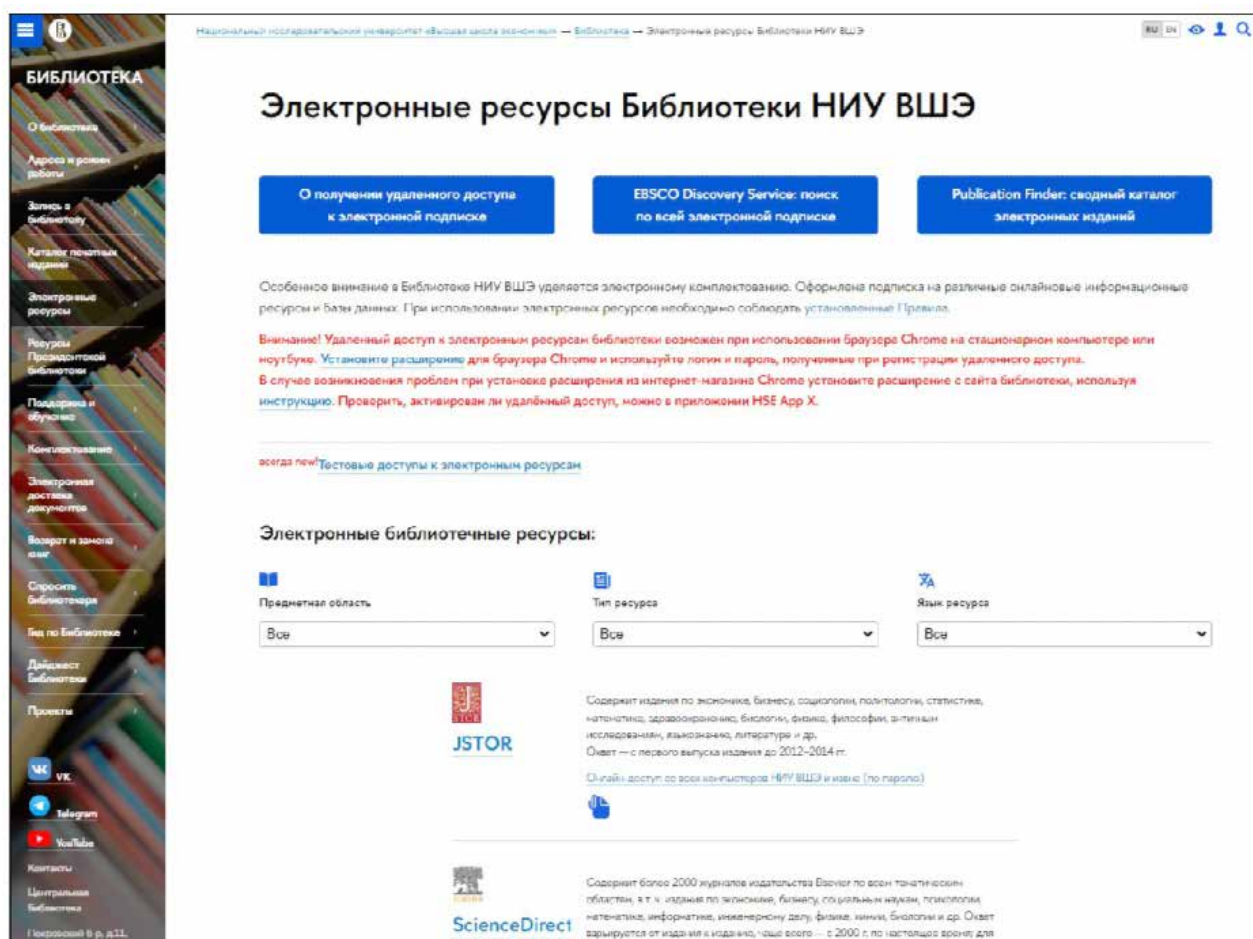

Рис. 6. Раздел «Электронные ресурсы Библиотеки НИУ ВШЭ»
 Источник: изображение взято с сайта Библиотеки НИУ ВШЭ
 (<https://library.hse.ru/e-resources>)

Fig. 6. Section "HSE Library e-resources"
 Source: Images are taken from the websites of the HSE Library
 (<https://library.hse.ru/en/e-resources/>)

ВКЛАД АВТОРОВ

О. В. Гребенникова — концепция, сбор данных, подготовка и редактирование текста.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Olga V. Grebennikova — idea, data collection, text preparation and editing.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no relevant conflict of interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Гендина Н. И. Контент официальных сайтов библиотек: оценка качества и стратегия информационного моделирования: монография / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Л. Н. Рябцева; под редакцией Н. И. Гендиной. Кемерово: КемГИК, 2021. 237 с. Текст: электронный. URL: <https://e.lanbook.com/book/250565> (дата обращения: 28.08.2023).
Gendina, N. I. The content of official library websites: quality assessment and information modeling strategy: a monograph / N. I. Gendina, N. I. Kolkova, L. N. Ryabceva; under the editorship of N. I. Gendina. Kemerovo: Kemerovo State Institute of Culture, 2021. 237 p. ISBN 978-5-8154-0665-0.
2. Кулёва О. В. Обзор основных направлений исследований сайтов библиотек / О. В. Кулёва. Текст: непосредственный // Библиосфера. 2009. № 3. С. 59–64.
Kuleva O. V. Overview of the main research directions of library websites. Bibliosfera. 2009;(3):59–64. (In Russ.)
3. Матвеев, М. Ю. Имидж библиотек как социокультурный феномен: монография / М. Ю. Матвеев. Санкт-Петербург: РНБ, 2009. 444 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_bibl_1423888?_page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 25.05.2023). Текст: электронный. Matveev M. Y. The image of libraries as a sociocultural phenomenon: A monograph. St. Petersburg: RNB, 2009.
4. Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика: сборник научных трудов / под общей редакцией Н. И. Гендиной, Н. И. Колковой. Санкт-Петербург: Профессия, 2015. 383 с. Текст: непосредственный Creation of official websites of cultural and educational institutions: theory and practice: a collection of scientific papers / under the general editorship of N. I. Gendina and N. I. Kolkova. Saint Petersburg: Profession, 2015. 383 p., ISBN 978-5-904757-75-5.
5. Соколов А. В., Сержан И. Г. О проблеме популяризации электронных информационных ресурсов. Как помочь пользователям найти то, что есть в библиотеке. Наука и научная информация. 2022;5(2):76–83. <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2022-5-2-5>
Sokolov A. V., Serzhan I. G. Promotion of Electronic Information Resources: How to Help Users to Find what is Available in the Library. Scholarly Research and Information. 2022;5(2):76–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.24108/2658-3143-2022-5-2-5>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Владимировна Гребенникова, заведующий сектором отдела комплектования библиотечно-информационных ресурсов, ГПНТБ России, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: gr.olga.vladimit@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Grebennikova, Head of the Sector of the Library and Information Resources Acquisition Department, Russian National Public Library for Science and Technology (RNPLS&T), Moscow, Russian Federation; e-mail: gr.olga.vladimit@bk.ru

Received / Поступила в редакцию 05.12.2024

Особенности размещения информации об электронных ресурсах на сайтах библиотек разных организаций									
	СПбГУ	РГБ	СФУ	СГМУ	ВШЭ	МГЛУ	ФУ	РГПУ	ГПНТБ России
Наличие поисковой строки	да	EDS	да	нет	EDS	нет	нет	нет	нет
Общий список	да	да	да	нет	да	да	да	нет	нет
Вид списка (по умолча- нию)	свернутый	свернутый	свернутый	свернутый	разверну- тый	свернутый	разверну- тый	свернутый	развернутый
Алфавитный порядок	да	да	да	нет	нет	нет	да	да	да
Наличие группировки	нет	нет	да	нет	нет	нет	нет	да	да
Наличие логотипа	нет	нет	нет	нет	да	да	да	да	частично
Наличие краткого описания	да	нет	да	нет	нет	нет	да	нет	нет (только в ЛК)
Размеще- ние полного описания	на отдель- ной страни- це сайта	всплыва- ющее окно	всплыва- ющее окно	развора- чивается по клику	на общей странице с остальны- ми ресурсами	на отдель- ной страни- це сайта	на отдель- ной страни- це сайта	на отдель- ной страни- це сайта	на общей странице с остальными ресурсами
В полном описании информация	об отдель- ной кол- лекции	об отдель- ной кол- лекции	о коллек- циях на плат- форме	об отдель- ной кол- лекции	о коллек- циях на плат- форме, иногда об отдельной коллекции	о коллек- циях на плат-форме	об отдель- ной кол- лекции	об отдель- ной кол- лекции	об отдельной коллекции, иногда о коллекциях на платформе
Каталог A-Z	да	да, Publication Finder (EBSCO)	нет	нет	да, Publication Finder (EBSCO)	нет	нет	нет	-

Продолжение приложения 1

	СПбГУ	РГБ	СФУ	СГМУ	ВШЭ	МГЛУ	ФУ	РГПУ	ГПНТБ России
Наличие фильтров	да	да	да (вид док-тов, область знаний)	нет	да (вид док-тов, язык, предмет)	нет	нет	нет	нет
Возмож- ность уточне- ния поиска	да	да	да	-	нет	-	-	-	-
Быстрый переход	да (все, россий- ские, тестовые, открытые)	вкладка: в свобод- ном до- стуге	нет	-	нет	нет	да	да	да
Переход на ресурс	из спи- ска — кнопка «Вход на ресурс»	из спи- ска — по клику на название	из списка — по клику на название; из полного опи- сания — кноп- ка с адресом сайта	из пол- ного опи- сания — ссылка	из спи- ска — по клику на название	из пол- ного опи- сания — кнопка «Вход»	из полного описания, ссылка «Адрес для работы с (название ресурса)»	из пол- ного опи- сания — ссылка	из списка — по клику на название; в личном кабинете — кнопка «Войти в си- стему»
Указание на РЦНИ	нет	нет	да, зашито в сведения о договоре в полном опи- сании ресурса	нет	нет	нет	нет	да, есть ссылка на сайт РЦНИ	да

Экспертные материалы / Expert materials

Referats of relevant reports / Рефераты актуальных докладов

JEL: E22, F15, F21, F23, F36, G31, G34

[https://doi.org/ 10.31432/1994-2443-2024-19-4-67-80](https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-4-67-80)

EDB Monitoring of Mutual Investments — 2024. Eurasian Region

Abstract. The referat of the report “Monitoring of mutual investments of the EDB — 2024. Eurasian region” is offered. “EDB Monitoring of Mutual Investments — 2024. Eurasian Region”¹. The report contains detailed information on the scale, dynamics, geographical and sectoral structure of mutual direct investments of the Eurasian region from 2016 to 1H of 2024. Special attention is paid to the analysis of intra-regional investments of Central Asian countries. The geography of the study of the Eurasian region is extended by the addition of Mongolia.

Keywords: foreign direct investments, mutual investments, investment stock, investment projects, EAEU, Eurasian Economic Union, Central Asia, transnational corporations, FDI structure

Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2024. Евразийский регион

Аннотация. Предлагаем Вашему вниманию реферат доклада «Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2024. Евразийский регион»¹. Доклад содержит детальные сведения о масштабах, динамике, географической и отраслевой структуре взаимных прямых инвестиций стран Евразийского региона за период с 2016 г. по первое полугодие 2024 г. Особое внимание уделено анализу взаимных инвестиций стран Центральной Азии, в том числе специфике этих стран как экспортеров и как получателей капитала. В докладе география исследования Евразийского региона расширена Монголией.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, взаимные инвестиции, накопленные инвестиции, инвестиционные проекты, ЕАЭС, Евразийский экономический союз, Центральная Азия, транснациональные корпорации, структура ПИИ

¹ Malakhov A., Zaboev A., Omarov A., Khaibrakhmanov T., Aldanazarov M. (2024) EDB Monitoring of Mutual Investments — 2024. Eurasian Region. Report 24/10. Almaty: Eurasian Development Bank. The electronic version of the report is available at the Eurasian Development Bank website at: <https://eabr.org/en/analytics/>

TERMINOLOGY

Foreign direct investments (FDI) refer to investments that give the investor the ability to participate in the management of a company in a foreign country through various forms of contribution, including the acquisition of an interest in a company or the injection of capital to create new or to upgrade/expand existing assets.

Portfolio investments refer to investments that usually involve the acquisition of an interest (up to 10%) in a company for the purpose of generating income without the intention of being involved in the management of the company.

Foreign direct investment stock refers to the total amount of investment in the framework of a transaction or series of transactions. It is calculated based on various parameters depending on the type of entity involved in the transaction. For example, investments in non-financial corporations may be valued at non-current assets, while investments in banks and insurance companies may be valued at equity or charter capital. In some cases, valuations may be performed using similar transactions in the market (see the Methodology in the Annex).

Non-current assets refer to assets of an enterprise that generate income for more than one year or the normal operating cycle, if longer than one year. Fixed assets (buildings, equipment, land), intangible assets (exclusive rights, patents), incomegenerating investments in tangible assets (investment property), and financial investments (loans granted, investments in other companies) can be classified as noncurrent assets on the company's balance sheet.

Greenfield investments (projects) refer to investments in projects that create new assets from the ground up, which can include, for example, the construction of infra-

structure or a new industrial plant (see the Methodology in the Annex).

Brownfield investments (projects) refer to investments in projects that are implemented by upgrading or expanding existing assets. For example, field expansions in the petroleum and gas sector or warehouse upgrading projects (see the Methodology in the Annex).

The **Eurasian region** refers to the region comprising 13 countries for the purposes of this report: Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Mongolia, Russia, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine, Uzbekistan.

Conduit countries are countries used in international financial transactions to redistribute capital and income in order to reduce the tax burden or avoid taxes.

Redomiciliation refers to a change of jurisdiction (country of registration) of a company while retaining its legal form, assets, and balance sheet after its re-registration in a new jurisdiction (country of registration).

Green projects refer to projects with a significant environmental effect that will help countries in the region meet their climate change commitments and/or achieve carbon neutrality.

The **Herfindahl-Hirschman Index** is a measure of market concentration, which is used to assess the level of competition in a particular industry or sector of the economy. The index is based on the market shares held by companies and helps to determine how monopolistic the market is.

Controlling stake refers to a shareholding that gives the owner the ability to directly influence key decisions in the management of the company. It is generally accepted that ownership of more than 50% of the shares is a controlling stake.

Minority stake refers to a shareholding that is insufficient to participate directly in

the management of the company. For the purpose of the report, a shareholding between 10% and 50% (inclusive) is considered a minority stake.

INTRODUCTION

Since 2012, the EDB has implemented a project to monitor mutual direct investments of 13 countries in the Eurasian region: Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Mongolia, Russia, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine, and Uzbekistan. In 2022, China, Iran, Turkey, and the Arab countries, which are traditional trade and investment partners of the countries of the Eurasian region, were included in the study.

As at the end of 1H 2024, the EDB MMI Database included 923 projects. The Eurasian region accounts for 512 mutual projects, of which 383 are active. The total value of the projects is \$46.1 billion.

The total number of projects in the EDB MMI Database has decreased as a result of the reassessment of individual projects for the period between 2016 and 2022. The total foreign direct investment (FDI) stock has declined for all years of the period. The mutual FDI data have been revised due to the availability of more reliable data — published company reports, which take precedence over press releases and media coverage that were previously used.

For example, while in 2023 the 2022 mutual FDI stock in the Eurasian region was estimated at \$46.9 billion, after the update of the MMI Database it was revised down to \$45.2 billion. The estimate of mutual FDI between the EAEU member states in 2022 has changed from \$26.5 billion to \$22.9 billion.

Certain projects in the EDB MMI Database have been reassessed due to the following reasons. Some of the projects are excluded from the total estimates because the previ-

ously stated scope and nature of the investments were not further confirmed in the financial statements. Some projects have data on the volume and nature of investments that are not precise enough to be included in the overall analysis.

This report includes six chapters. Each chapter analyses in detail key aspects of mutual FDI in the Eurasian region.

Chapter 1 examines structural changes associated with global investment trends and growth rates of mutual FDI stocks in the Eurasian region.

Chapter 2 looks at corporate integration in the region, including major deals and investor companies in 2023 and 1H 2024.

Chapters 3 and 4 analyse the geography of mutual FDI in the region by country and assess the main providers of mutual investments in the region, including Russia, Kazakhstan, Azerbaijan, Belarus, and others.

Chapter 5 focuses on the sectoral structure of mutual FDI, with a detailed analysis of the distribution of investment by economic sector, including extractive industries, manufacturing, and transport. Investment in green projects is reviewed separately.

Chapter 6 concludes with a forecast of medium-term trends in mutual FDI, including potential areas of development and promising investment opportunities in the coming years.

1. STRUCTURAL CHANGES

1.1. Global Investment Trends

Global FDI continued to decline in 2023 to \$1.3 trillion (UNCTAD, 2024a). The rate of decline slowed from 12% in 2022 to 2% in 2023.

FDI inflows to developing economies fell by 7% to \$867 billion, mainly driven by Asia, where the fall was 8% to \$621 billion in 2023. Investment in European countries showed

growth to \$16.5 billion, following a strong outflow of \$105.9 billion in 2022.

Against the backdrop of global trends, the countries of the Eurasian region enjoy a positive FDI trend, rising from negative values in 2022 (minus \$1.1 billion) to \$27 billion in 2023. The growth was driven by a recovery of FDI flows from different countries of the world to the Russian Federation (\$8.3 billion).

The number of projects integrated into global value chains (international production where stages of product creation are distributed across different countries) increased by 27%, from 3,505 to 4,441 projects — up 4% in terms of investment, from \$302 billion to \$314 billion. This is particularly true for the automotive, textile, mechanical engineering, and electronics industries.

According to UNCTAD data, announced greenfield projects grew by a factor of 3.2, from 49 to 158, which implies an increase in FDI in Central Asia in the medium term.

1.2. Trends in Mutual FDI Stock in the Eurasian Region

The average annual growth rate of the mutual FDI stock in the Eurasian region was about 3.6% between 2016 and July 2024. Up to and including 2023, trends in the mutual investment stock in the Eurasian region were relatively stable. Since 2016, the Structural Changes 17 FDI stock has increased by 33% from \$34.8 billion to \$46.1 billion, with the largest increase being between 2016 and 2017 at 12.5%.

In 2023, the mutual FDI stock in the Eurasian region increased by 2.9% y-o-y, from \$45.2 billion to \$46.5 billion. However, there was a 0.8% decline in the mutual FDI stock from \$46.5 billion to \$46.1 billion in 1H 2024. The decrease was a result of the withdrawal of investors from large investment projects. In particular, Russian investors withdrew

from Polymetal's metal ore mining projects in Kazakhstan.

The Eurasian region saw the highest number of investment projects launched in 2023, which can be attributed to the delayed effect of investments previously planned for 2022. Of the 31 investment projects worth \$2 billion launched in 2023, 21 are greenfield projects (\$539 million). In comparison, 19 investment projects were launched in 2022, including 13 greenfield projects worth \$147 million.

1.3. Structure of Mutual Investments by Form of FDI

239 investment projects, or 39.2%, are greenfield projects. As at the end of 1H 2024, they were worth about \$18.1 billion. Manufacturing (\$5.4 billion, or 29.8%) and extractive industries (\$4.3 billion, or 23.6%) account for the largest share of greenfield investments. The biggest investor in greenfield projects is Russia's Lukoil — 12 projects with a total FDI stock of \$7.1 billion (39.3% of total greenfield projects). Greenfield projects have grown by 12% since 2022, largely due to the launch of 32 new projects worth \$971 million in 2023–2024. Major new greenfield projects since the beginning of 2024 include a solar farm in Kyrgyzstan by Russian investors and a construction machinery plant in Bashkiria (Russia) by Belarusian investors.

Brownfield projects are the second-largest form of FDI in the Eurasian region. The total number of such projects was 107, worth \$17.5 billion. Brownfield projects account for 38% of the total mutual FDI stock, with an increase of 16% since 2016. However, the withdrawal of KAZ Minerals from the Baimskaya Project (Russia) in 2023 with an investment stock of \$1.8 billion resulted in a 7% decrease of brownfield projects compared to 2022. Purchases with subsequent upgrading are most common in extractive industries (\$9.3 billion, or 53.3%) and trans-

port (\$1.9 billion, or 10.6%). As with green-field projects, this form of FDI is actively used by Russian petroleum and gas investors. For example, Lukoil is implementing five projects worth \$7.9 billion, and Gazprom has six projects underway worth \$1.6 billion. These two companies together account for more than 60% of investment in brownfield projects.

Buying a share in charter capital (Purchase) is the third most important form of investment in the Eurasian region. At the end of 1H 2024, the number of such projects stood at 156, worth \$9.6 billion. The share of such projects in the mutual investment portfolio was 20.9%. The most attractive sectors for purchases were extractive industries (\$2.8 billion, or 29.4%) and manufacturing (\$1.1 billion, or 11.2%).

1.4. Ownership Structure of Investor Companies

Two-thirds of all mutual investments in the Eurasian region are in companies where the sole owner is a private investor. This category in the MMI Database includes 351 projects with a total mutual FDI stock of \$31.2 billion as at the end of 1H 2024. These projects have increased 41% since 2016 and 4% since 2022. Most of the mutual FDI stock with private investors is concentrated in extractive industries and manufacturing (\$19.6 billion). The largest private investor is Lukoil, with investments worth \$16.3 billion.

The stock of mutual investments by companies with a sole owner who is the state has increased by a third since 2016. However, compared to 2022, the stock of such investments decreased by 3% due to SOCAR's withdrawal from the South Caucasus Pipeline project in 2023 (it sold its 10% stake). Owners of this type had 71 projects totalling \$6.7 billion underway as at the end of 1H 2024. The largest investor is Rosatom, which has nine projects worth \$1.8 billion.

Transport and extractive industries account for the largest share of investment — \$4.8 billion together.

State-controlled companies, where the state holds a controlling stake, rank third with a share of 12.7%. They are implementing 37 projects with a total mutual FDI stock of \$5.9 billion. Compared to 2022, the investment stock is unchanged. More than 60% (\$3.7 billion) of the FDI stock is in projects involving Russia's Gazprom, mainly in gas Structural Changes 21 transportation and electricity generation. The largest stock of investment is in the transport sector — \$1.5 billion. This group is characterised by a high average project cost of \$158 million, about 80% above average.

Companies with a minority stake held by a foreign investor show a 32% decline in mutual FDI since 2022 to \$1 billion. The share of such companies in the total stock of mutual investments is 2.3%.

Companies with a minority stake held by the state account for 1.5%. The mutual FDI stock in this category has grown 21% since 2016, to \$701 million. However, it has fallen by 4% since 2022.

1.5. Structure by Source of Financing

Investment projects are mainly financed with equity and debt. The mutual FDI stock under this type of financing was \$19.2 billion (41.7%) at the end of 1H 2024. The number of projects financed in this way is 48. The average investment is \$401 million per project — more than for any other method of financing.

Projects relying solely on **equity investment** also account for a significant share of financing, with 263 such projects worth \$16.4 billion (35.4%) recorded for 1H 2024. Growth in equity was 9% compared to 2022, driven by increased investment in manufacturing (+47%, to \$2.7 billion) and trade (+20%, to \$2.7 billion). Equity is often used

for less capital-intensive projects, with average investment per project of \$62 million.

Debt alone, as well as equity and budget, are used to a much lesser extent. In particular, debt is used in 22 projects worth \$1.8 billion, while equity and budget are used in eight projects worth \$1.6 million.

Projects financed entirely from the **budget** have the lowest cost, averaging \$9 million, with a total of \$55 million spent on projects in this line by 1H 2024.

A lack of transparency of financial flows in the implementation of investment projects is implied by the large volume of investments (163 projects worth \$6.6 billion, or 14.3% of the total mutual FDI stock) for which the source of financing is **not disclosed**.

2. CORPORATE INTEGRATION IN THE REGION

2.1. Major Transactions in 2023–1H 2024

Between early 2023 and 30 June 2024, 43 new projects worth \$2.3 billion were included in the EDB MMI Database for the Eurasian region. There are 512 projects in the EDB MMI Database for the Eurasian region in total, of which 383 are active. More than half of the new investment deals, namely 22 out of 43, worth \$1.2 billion, were initiated by Russian companies. Most of the projects are in the manufacturing sector. The largest transactions are investment projects of EuroChem, Tatneft, Sibur, and others. Most of the projects of Russian investors are implemented in Kazakhstan — 13 out of 22, worth \$729 million. The main industries that attract most investment are manufacture of chemicals and chemical products, extraction of petroleum and natural gas, warehousing, and manufacture of food.

2.2. Main Investor Companies in the Region

As at 1 July 2024, the capital investments of the five largest investors in terms of investments within the Eurasian region (Lukoil, Gazprom, Rosatom, SOCAR, and Alfa Group) accounted for 52.8% of the total mutual FDI stock. Four out of five investors are Russian companies. The value of the Herfindahl-Hirschman index¹ and its trends indicate a moderate concentration of mutual investments in the Eurasian region and growing influence of the largest investor companies — in 1H 2024 it was 0.126, while in 2016 it was 0.117. Net of investments of large companies such as Lukoil and Gazprom, the HHI is 0.025. This highlights the significant influence of Lukoil and Gazprom on the scale of investment in the region.

3. MUTUAL FDI GEOGRAPHY

3.1. Capital Providers by Country in the Region

The geography of mutual FDI in the Eurasian region has changed in recent years, largely due to geopolitical tensions.

Russia remains the largest provider of capital in the region. As of July 2024, its share in total mutual FDI was 83%, with the FDI stock up 39% from \$27.5 billion in 2016 to \$38.3 billion in July 2024. The increase since 2022 has been 5%, with the main growth driver being a rise in the mutual FDI stock in the petroleum and gas sector from \$11.5 billion to \$12.3 billion. Throughout the period under review, the main recipient sector has been extractive industries (\$16 billion, or 42.2% of total mutual FDI), with the extraction of petroleum and gas accounting for \$12.3 billion. Investments in manufacturing are closely linked to the oil and gas industry — \$4 billion out of \$6.1 billion of the mutual FDI stock involves the manufacture of chemicals and chemical products.

Azerbaijan rose from fourth in 2016 to second as at the end of 1H 2024. Azerbaijan's

share of FDI is 6.8%. During the period under review, its mutual FDI stock almost doubled from \$1.7 billion to \$3.1 billion. At the same time, its stock of mutual FDI has decreased by 1% since 2022 due to the sale by Azerbaijani investor SOCAR of a 10% stake in the South Caucasus Pipeline in 2023. The main recipient sectors are transport (\$711 million) and telecommunications (\$709 million). Azerbaijan's investors are implementing four projects worth \$411 million in the warehousing sector, which is the largest amount among the countries of the Eurasian region. Next come Kazakhstan (\$376 million) and Russia (\$246 million).

Kazakhstan ranked third in 1H 2024 with a share of 5.7% of the total mutual FDI. Between 2016 and July 2024, its FDI stock fell by 23%, from \$3.4 billion to \$2.6 billion. According to the EDB MMI estimates, its decline in mutual FDI is largely due to the investment activities of Verny Capital and Meridian Capital. In particular, the RitzCarlton deal by Verny Capital in 2016 was estimated at \$600–700 million. At the same time, experts estimate that, by July 2020, its market value had dropped to \$300 million. Also in 2020, Meridian Capital sold stakes in the charter capital of 13 airports in Russia — for a total of \$438 million.

Compared to 2022, the mutual FDI stock decreased by 41% from \$4.5 billion due to the transaction between KAZ Minerals and Trianon Limited to acquire Baimskaya Mining Company for \$200 million. Trianon Limited, owned by Vladimir Kim and Oleg Novachuk, major shareholders of Kazakhstan's KAZ Minerals group, no longer owns Baimskaya Mining Company as of May 2024.

The main recipient sector of investment by Kazakhstan's companies in the Eurasian region is transport (six active projects, worth \$963 million) and the financial sector (10 ac-

tive projects, worth \$808 million). These two industries together account for more than 65% of Kazakhstan's total investment in the region.

Armenia showed significant growth in mutual FDI with a share of 1.8% of total FDI. Mutual investments increased from \$37 million in 2016 to \$841 million in 1H 2024. A major boost to growth came from Armenia's Balchug Capital, which acquired Metropolis Shopping Mall and Pulkovo Sky in Moscow for \$774.7 million in 2023. The two deals together account for more than 92% of Armenia's total investment in the Eurasian region.

Belarus shows a 16% increase in mutual FDI in the Eurasian region, from \$703 million in 2022 to \$818 million in 1H 2024. The growth is driven by the launch of five investment projects in 2023–2024, totalling \$137.1 million. All five projects are in the manufacturing sector, which accounts for 31.7% of the country's total FDI in the region.

Uzbekistan has increased FDI significantly from \$27 million in 2022 to \$167 million in 2024, taking a share of 0.34%. This is due to the active investments of Uzavtosanoat and Artel in the automotive industry and other sectors of the EAEU countries. Uzavtosanoat is implementing two major projects worth \$99 million, while Artel is implementing three projects worth \$47 million. All projects are implemented in Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Other countries in the region, such as Ukraine, Tajikistan, Moldova, and Kyrgyzstan, show low investment activity in the region. Ukraine's FDI has declined by 38% since 2016, from \$105 million to \$65 million, while Moldova and Kyrgyzstan have mutual FDI stocks at \$2 million and \$1 million, respectively.

Mongolia has two investment projects in the Eurasian region. A private investor from

Mongolia, acting under an agreement with the Far East and Arctic Development Corporation (FEADC), has already invested more than RUB6 million in the Baikal Tin Company, LLC, project. The company plans to invest an additional RUB 100 million as part of its modernisation and expansion, which is expected to take place by the end of 2024.

Russia ranks first in projects of all capital investment categories in terms of their capital intensity (Figure 8). In the category of deals with investments between \$1 million and \$4 million, Russia leads with 114 projects. Kazakhstan is second in this category with 46 projects, which is more than half of all projects of Kazakhstan in the Eurasian region (79 projects).

The most capital-intensive projects are also those of Russia — all six major projects worth more than \$1 billion are undertaken by Russian investors. In the past, they included Kazakhstan's KAZ Minerals' Baimskaya Mining Company project (\$1.8 billion in 2022).

3.2. Capital Recipients by Country in the Region

Kazakhstan and Uzbekistan are the main recipients of mutual investments in the Eurasian region. There are 89 active investment projects in Kazakhstan, of which 74 are implemented by Russia. The stock of mutual FDI from countries of the Eurasian region in Kazakhstan totals \$10.4 billion, of which more than 90% is attributable to Russia (\$10.1 billion). Kazakhstan also demonstrates one of the largest increases in investment inflows in the Eurasian region since 2022—17%.

Azerbaijan has shown the highest growth rate among countries in the region since 2016, increasing its mutual FDI stock by a factor of 2.5, from \$2.3 billion in 2016 to \$5.8 billion by 2024. There are 20 investment projects underway and the average

project cost is one of the highest in the region at \$264 million. The growth of mutual FDI in Azerbaijan has been fuelled by large investments in the Shah Deniz project, with some \$25 billion invested between 2012 and 2023. Lukoil increased its stake to 20% after a \$1.45 billion deal with Petronas in 2022, strengthening the country's position in the energy sector.

For the top three investment recipients — Kazakhstan, Uzbekistan, and Azerbaijan — the main sector is extractive industries. For Kazakhstan, the share of extractive industries in investments is 53%, for Uzbekistan it is 46.8%, and for Azerbaijan it is 89.5%. At the same time, the only investor in extractive industries for all countries is Russia.

Belarus remains one of the largest recipients of mutual FDI, despite its share in total investment flows having fallen from 10.5% to 9.7% (\$4.5 billion). The stock of mutual FDI has declined by 8% since 2022. The main reason for the decline was a reduction in investments in the land and pipeline transport sector, where the main investor is Gazprom, which invested in Gazprom Transgaz Belarus.

Armenia is strengthening its position with a 34% increase in mutual FDI, from \$2.7 billion in 2016 to \$3.7 billion in July 2024, highlighting its attractiveness to foreign investors.

Russia's investment stock has decreased relative to 2022 by about a quarter (26%), to \$3.1 billion. The main decline was in extractive industries, down 90% to \$234 million over a year and a half.

Countries with smaller investments, such as Kyrgyzstan, Moldova, and Tajikistan, show a relatively stable but low performance in attracting mutual FDI. It is also worth noting the absence of significant FDI inflows from the Eurasian region in Turkmenistan, where

the indicators have remained at a minimum level.

According to the MMI Database, total FDI from the Eurasian region, in particular from Russia and Kazakhstan, to **Mongolia** reached \$407 million in 1H 2024. A total of six investment projects are underway, five of which are prospective, with the deals only closed no later than 2024.

3.3. Mutual Investments in the EAEU

The Eurasian Economic Union (EAEU) has seen significant growth in mutual FDI within the Eurasian region. According to the MMI Database, the mutual FDI stock in the EAEU countries increased by 37% between 2016 and 1H 2024, reaching \$23 billion. The share of mutual FDI of the EAEU countries in the total mutual FDI stock of the Eurasian region increased from 48% in 2016 to 50% by mid-2024.

Russia remains the largest investor among the EAEU countries, implementing the greatest number of projects (147) and showing a significant increase in the capital provided. Russian FDI increased by 59% by 2016, reaching \$19.8 billion by mid-2024. Within the EAEU, Russia has seen a significant reduction in the capital received — by 28% since 2016. Total capital received is \$2.7 billion, fourth among the EAEU countries after Kazakhstan, Belarus, and Armenia.

In contrast, **Kazakhstan** shows a 33% decrease in outbound mutual FDI but a significant (80%) increase in investments received, which has reached \$10.2 billion. Belarus also shows a 63% decline in outbound mutual FDI, while investments received are up 20% to \$4.24 billion.

3.4. Mutual Investments in the CIS

The share of mutual FDI of the CIS countries in the total mutual FDI stock of the Eurasian region increased from 76% in 2016 to 88.5% in 2024. In 2016, mutual FDI of CIS countries were \$27 billion, and by July 2024

they had already reached \$40.8 billion. The number of mutual FDI projects of CIS countries stood at 386 out of 512 in the Eurasian region as a whole.

The growth of mutual direct investments in the CIS was 3% compared to 2022 and one and a half times (51%) compared to 2016.

The main provider of capital within the CIS is Russia, with 89% of the total investment stock. The highest growth in capital provision in the CIS relative to 2022 was recorded for Armenia and Uzbekistan — by a factor of 20 to \$819 million and by a factor of 6 to \$167 million, respectively.

The volumes are more evenly distributed among the recipients of investment. Kazakhstan (25.5%), Uzbekistan (24.8%), Azerbaijan (14.2%), and Belarus (10.9%) are the main recipients of capital in the CIS, with their combined share exceeding 75% of the total mutual FDI stock in the CIS. Kyrgyzstan shows the highest growth of capital inflows in the CIS compared to 2022 — 18%, up to \$2.2 billion. Russia recorded the largest decline, of 26% (down to \$3.1 billion).

3.5. Intra-regional Investments in Central Asia

According to the EDB MMI Database, the stock of Intra-regional FDI in Central Asian countries amounts to \$834 million, having increased by 40% in the period under review between 2022 and 1H 2024. Overall, Intra-regional FDI of Central Asian countries declined between 2016 and 2020. In particular, investment in real estate fell from \$240 million in 2016 to \$57 million in 2020 — by more than three-quarters. The largest growth by form of investment was in greenfield projects, which have been the dominant form of FDI in the region since 2021. **Greenfield investments** were \$82 million in 2016 and rose to \$479 million in 1H 2024. In 1H 2024, 25 investment projects were underway, 17 of which were greenfield

projects worth \$479 million. At the same time, investments involving the acquisition of existing assets decreased significantly. They stood at \$273 million in 2016 and fell to \$72 million (a 73% decline) in 1H 2024. Brownfield investments show a 14% increase from \$236.8 in 2016 to \$271 million in 2024.

Kazakhstan remained the leading capital provider in Central Asia throughout the period under review.

Uzbekistan, in turn, has been an active provider of capital in Central Asia since 2018.

Kyrgyzstan is the leader in attracting regional FDI in Central Asia.

Tajikistan shows a gradual decline in its share of investment inflows within Central Asia, from 7.7% in 2020 to 2.6% (\$22 million) in 2024.

Financial services remain the largest sector for investment, accounting for 35% of total intra-regional FDI.

The manufacturing sector shows significant growth, almost tripling since 2022 (from \$99 million to \$252 million) and accounting for 30.2% of total intra-regional FDI.

Despite their importance to the region's economy and budgets, extractive industries show no growth in investment. The situation is similar in the agro-industrial complex and metallurgy.

According to the EDB MMI Database, there are 25 investment projects under implementation in Central Asia, five of which were launched in 2023–2024. The stock of intra-regional FDI in new projects is \$157 million, of which \$104.7 million is investment from Uzbekistan and \$52.2 million from Kazakhstan.

4. MAJOR MUTUAL INVESTMENT PROVIDERS IN THE REGION

4.1. Russia

Russia is the largest investor country in the Eurasian region. The FDI stock is \$38.3 billion, up 5% since 2022. Russia concentrates most of its active projects and investments in the EAEU countries (147 projects), where the FDI stock reaches almost \$20 billion. Kazakhstan is the key partner with the largest number of projects (74) and investment stock of \$10.1 billion, up 16% since 2022. In terms of Eurasian region countries' investments in Russia, the total mutual FDI stock is \$3.1 billion, 26% less than in 2022. The main contributors to investments are the EAEU countries, especially Kazakhstan and Belarus, although Kazakhstan has shown the largest fall, by 58%. Investments from Belarus, on the contrary, have increased by 27%, indicating stronger business activity between Russia and Belarus.

4.2. Kazakhstan

As a capital provider in the Eurasian region, Kazakhstan has 39 active projects, of which 16 are in the EAEU countries (\$1.8 billion), accounting for about 41% of the total. The largest number of projects are implemented in Russia (nine), Kyrgyzstan (seven projects worth \$374 million), and Uzbekistan (eight projects worth \$280 million).

In 1H 2024, the largest mutual FDI stock was in the transport and logistics sector, \$963 million, down 11.2% since 2022. Financial services posted 3.2% growth to \$808 million, illustrating the sustained interest in the development of the sector. The most notable decline was in extractive industries, with investments down 97% to just \$52 million.

4.3. Azerbaijan

Azerbaijan is the largest provider of capital after Russia. Azerbaijan's total mutual FDI in the Eurasian region was \$3.1 billion in 1H 2024. Azerbaijan's investments account for 6.8% of the total FDI in the region. The

growth of Azerbaijan's mutual investments since 2016 is estimated at 84%.

4.4. Belarus

Belarus' total mutual FDI in the Eurasian region amounted to \$819 million in 1H 2024. The share of Belarus' investments in the region's total mutual FDI is 1.8%.

Russia remains the largest recipient of Belarus' investments, having attracted \$538 million with 24 active projects, an increase of 27.2% compared to 2022.

4.5. Other Countries

Armenia's mutual FDI in the Eurasian region shows a positive trend. Mutual FDI increased from \$37 million to \$841 million in 1H 2024. The country has ten investment projects in the Eurasian region. Georgia's investments in Eurasian region countries are growing. FDI increased from \$28 million in 2016 to \$199 million in 1H 2024. The country has nine investment projects in the Eurasian region.

Georgia's biggest project was the entry of Georgian bank TBC to Uzbekistan's market in 2020. The investment stock is \$63 million. Uzbekistan's total mutual FDI in the Eurasian region was \$167 million in 1H 2024. The country has eight active investment projects in the Eurasian region.

Uzbekistan's biggest project sees UzAuto Motors, JSC involved in full-cycle production of the Chevrolet Onix in Kazakhstan via completely knocked down assembly. Investment in the project totals \$74 million.

5. MUTUAL FDI SECTORAL STRUCTURE

5.1. Overall Sectoral Structure

Extractive industries remain the most significant target for mutual FDI with investment stock reaching \$16.4 billion in 1H 2024. In terms of total mutual FDI stock, extractive industries remain the dominant destination for investment, with their share rising from

29% in 2016 to 35.6% by July 2024. At the same time, the sector shows a 9% decline in investment stock since 2022 (from \$18 billion), mostly due to investors exiting metal ore mining projects (Polymetal International in Kazakhstani projects).

The share of **manufacturing** has increased markedly in total mutual FDI, from 12.2% in 2016 to 15.2% in 2024. Alongside this, the sector is showing 66% growth, with the FDI stock rising from \$4.3 billion to \$7.0 billion in 1H 2024.

Despite the relatively low mutual FDI stock, the **agro-industrial complex** is also showing growth, increasing by 80% from \$1.2 billion in 2016 to \$2.2 billion by 1H 2024 (with its share up from 3.5% to 4.7%).

In contrast, the share of the **transport sector** declined from 16.4% in 2016 to 11.6% in 2024. 56 EDB Monitoring of Mutual Investments — 2024. Eurasian Region

There was a moderate increase in mutual FDI inflows in **financial services and trade** to \$3.7 billion and \$3.1 billion, respectively.

5.2. Extractive Industries

Between 2016 and July 2024, the stock of mutual FDI in extractive industries showed a steady increase, from \$10 billion to \$16.4 billion.

Extraction of petroleum and natural gas remains the leading industry, with investment reaching \$12.5 billion, up 6.5% since 2022. There are currently 14 investment projects underway.

At the same time, **metal ore mining** shows a significant decline in investment, down 41% from \$5.5 billion in 2022 to \$3.2 billion in 1H 2024. There are 29 investment projects underway in the sector, two of which have been launched since the beginning of 2023.

5.3. Manufacturing

More than 57% of the mutual FDI stock in manufacturing is in manufacture of chem-

icals and chemical products — \$4 billion, up 8% since 2022. There are 14 projects underway in this sector, two of which were launched in the last one and a half years.

The **manufacture of motor vehicles, trailers, and semi-trailers** shows the most significant increase in investment — 3.6 times, from \$45 million in 2022 to \$164.2 million in 2024. This area has attracted 10 projects, of which two were launched in the last one and a half years.

Significant growth is also seen in the **production of rubber and plastic products**, where investment increased by 181% to \$530 million and eight investment projects are underway.

5.4. Transport

The transport and logistics sector plays a key role in the economy of the Eurasian region, especially in the context of its close ties with the petroleum and gas industry. A trend has emerged in recent years: the share of storage capacity has continued to grow while pipeline investment has declined, although the gap between the two remains significant.

By July 2024, the stock of investment in **land infrastructure and pipeline transport sector construction** had reached \$4.3 billion, down 10% from \$4.8 billion in 2022. There are currently 11 active investment projects in this industry, of which nine projects involve petroleum and gas transportation.

Warehousing is the second most important area of investment in the transport sector. This segment accounts for \$1.0 billion, up 28% since 2022. The sector is implementing 16 investment projects, five of which were launched in 2023–2024.

5.5. Other Sectors

Investment in financial services decreased by 6% (to \$3.7 billion) by the end of 1H 2024 compared to 2022. The decrease

was due to the withdrawal of some investors from projects.

Retail trade showed significant growth in 1H 2024 compared to 2022, up 20% to \$2.7 billion with 35 projects.

The stock of mutual FDI in the **power industry** grew by 7%, with \$2.3 billion in investments and 19 projects.

At the same time, the **crop and livestock sector** also showed significant growth, up 37%, with investments increasing to \$923 million and 10 projects implemented.

The **manufacture of food** increased by 18%, with investments of \$468 million.

A number of industries (**telecommunications, wholesale trade, insurance, and trade in motor vehicles**) show a slight decrease in investment.

5.6. Green Projects

The number of green investment projects has been steadily increasing over the past few years. In 2016, the investment stock was \$323 million and has increased since then, reaching \$661.9 million by 1H 2024. The increase in investment between 2022 (from \$471 million) and 1H 2024 is 40.6%.

Green investment in the Eurasian region is still small (1.4% of the total FDI stock) and the industry has only eight projects underway, two of which were launched in the last year and a half.

6. MEDIUM-TERM TRENDS

1. Increase in the number of greenfield projects. While this form of investment accounted for 56 new projects in 2013–2018, the number rose to 82 in 2019–2024. A record 21 greenfield projects were launched in 2023, accounting for almost 70% of all projects. Against the background of increased greenfield investment, other forms of FDI have become less popular with investors. Given the global trends of annual growth in greenfield project launches, this form of mu-

tual FDI is expected to continue to grow in the Eurasian region.

2. Manufacturing will be the most attractive for investment in the Eurasian region. Between 2023 and 1H 2024, manufacturing accounted for 20 out of 43 new projects totalling \$855 million. The share of manufacturing in total FDI has increased significantly, from 13% in 2022 to 15.3% in 2024. The likely leaders in FDI growth are motor vehicle manufacturing, the chemical industry, and petroleum refining. These are the sectors that continue to attract significant investment and show steady growth.

3. The agro-industrial sector will see further steady growth in the number of projects. The agro-industrial complex has shown continuous annual growth since 2016, with an average annual growth rate of 6.7%, and has grown by 18% to \$2.2 billion in the last

year and a half. Projects involving the manufacture of food and beverages in the EAEU countries will be particularly attractive for investment.

4. Uzbekistan's importance as an investor in the context of mutual investments among Central Asian countries is growing. The intra-regional FDI stock of Uzbekistan as a capital provider increased from \$27 million in 2022 to \$164 million in 1H 2024. The growth in FDI was by a factor of 6.8 in one and a half years. Three of the seven ongoing projects were launched from early 2023 through 1H 2024.

5. Central Asian countries will increase their share in investment inflows in the Eurasian region. In Central Asian countries, the mutual FDI stock increased to \$23.4 billion (50.8% of the total) by the end of 1H 2024, up 11% from the 2022 level of \$21.1 billion (46.7%).

REFERENCES

1. Ameriabank (2024) About us. Available at: <https://ameriabank.am/en/about-ameriabank/history> (Accessed 29 July 2024).
2. Avesta (2021) Aktsionery Sangtudinskoy GES-1. Available at: <https://avesta.tj/2021/07/02/aktsionery-sangtudinskoj-ges-1-kto-oni> (Accessed 1 September 2024).
3. Aysor (2024) Prodazha Ameriabanka. Available at: <https://www.aysor.am/ru/news/2024/04/08/Америабанк-продан/2256140> (Accessed 13 August 2024).
4. Economist.kg (2024) Aktsionery Kaz Minerals prodali mestorozhdeniye. Available at: <https://economist.kg/biznes/2024/06/06/aktsionierykaz-minerals-prodali-miestorozhdeniie-v-rossiipopavshieie-pod-sanktsii> (Accessed 23 July 2024).
5. Eni (2024) Financial results. Available at: <https://www.eni.com/en-IT/investors/our-reports/financial-results.html> (Accessed 19 September 2024).
6. Gazprom Neft (2024) Priobreteniya zavoda po proizvodstvu bitumov v Kazakhstane. Available at: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/gazprom-neft-priobrela-zavod-poproizvodstvu-bitumov-v-kazakhstane> (Accessed 19 September 2024).
7. KazTag (2024) Rosatom kupil dolyu u Kazatomproma. Available at: <https://kaztag.kz/ru/news-of-the-day/pochem-rosatomkupil-dolyu-budenovskogo-u-kazatomproma-iprichem-tut-oligarkh-klebanov> (Accessed 27 July 2024).
8. Kuznetsov, A., Vinokurov, E. (eds), Malakhov, A., Zaboiev, A. (2022) EDB Monitoring of Mutual Investments — 2022. Reports and Working Papers 22/5. Moscow: Eurasian Development Bank. Available at: <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutualinvestments-2022/> (Accessed 12 July 2024).

9. Lukoil International (2024) Kandymsky GPK — oasis LUKOYLa v pustyne. Available at: <https://lukoil-international.uz/ru/PressCenter/News/News/kandymskii-gpk---oasis-lukoila-v-pustyne> (Accessed 12 July 2024).
10. Malakhov A., Serik E., Zaboiev A. (2023) EDB Monitoring of Mutual Investments. 2023. Reports and Working Papers 23/5. Moscow: Eurasian Development Bank. Available at: <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutual-investments-2023/> (Accessed 12 July 2024).
11. MoldovaGaz (2024) Company reports. Available at: <https://www.moldovagaz.md/rus/o-kompanii/otchety-158> (Accessed 5 September 2024).
12. OPI DFO (2024) Audit reports. Available at: <https://opi.dfo.kz/p/ru/DfoObjects/objects/teaser-view/26220?EIDossierTabId=AuditReports> (Accessed 4 October 2024).
13. Sangtuda (2018) Financial statements for 2018. Available at: https://sangtuda.com/sites/default/files/ar_2018_light.pdf (Accessed 11 October 2024).
14. UNCTAD (2024a). World Investment Report 2024. United Nations Conference on Trade and Development, https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_overview_en.pdf
15. UNCTAD (2024b). Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns. United Nations Conference on Trade and Development, <https://unctad.org/publication/global-economicfracturing-and-shifting-investment-patterns>.
16. Vestnik Kavkaza (2024) Vtoraya stadiya proyekta Shah Deniz. Available at: <https://vestnikavkaza.ru/news/Vo-vtoruyu-stadiyu-proekta-SHakhdenizbudet-vlozhen-25-mlrd-glava-BP.html> (Accessed 1 October 2024).

Received / Поступила в редакцию 20.12.2024

МЦНТИ: события, информация, мнения/ ICSTI: Events, Information, Opinions

Глобальные вызовы современности: образование, наука, индустрия

6 декабря 2024 года в Штаб-квартире МЦНТИ успешно прошла Международная научная конференция на тему «Глобальные вызовы современности: образование, наука, индустрия», организованная в партнерстве с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации и Русско-Итальянским международным университетом.

Участники конференции заинтересованно обсудили новейшие тенденции в развитии глобальной экономики, перспективы для России и мира, российско-китайские отношения как возможную модель противостояния кризисным явлениям, специфику цифровой трансформации сельского хозяйства, роль финтех и другие актуальные вопросы.

В конференции приняли участие представители российских и зарубежных вузов, молодые исследователи, члены бизнес-сообществ.

Global Challenges of the Modern Age: Education, Science, Industry

On 6 December 2024, ICSTI Headquarters successfully hosted the International Scientific Conference 'Global Challenges of the Modern Age: Education, Science, Industry', organized in partnership with the Financial University under the Government of the Russian Federation and the Russian-Italian International University.

The conference participants discussed the latest trends in the development of the global economy, prospects for Russia and the world, Russian-Chinese relations as a possible model for countering crisis phenomena, the specifics of digital transformation of agriculture, the role of fintech and other topical issues.

The conference was attended by representatives of Russian and foreign universities, young researchers, and members of business communities.

Подписано в печать.
Печать офсетная
Тираж 500 экз.

Адрес редакции: 125252, Россия, Москва, ул. Куусинена, д. 21-Б

Типография АО «Т8 Издательские Технологии»,
Адрес типографии: 109316, Россия, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5.